

25
ИЮНЯ—
ДЕНЬ
СОВЕТ-
СКОЙ
МОЛО-
ДЕЖИ

ЮНОСТЬ
БЕРЕТ РАЗБЕГ

СМЕНА

Литературно-художественный и общественно-политический журнал
Центрального Комитета ВЛКСМ

12 МЭМБ
1961

Год издания тридцать восьмой.

Фото И. СЕРЕГИНА.

В четвертый раз наша страна отмечает День советской молодежи. Но, несмотря на это, у праздника юности уже сложились замечательные традиции. Он стал как бы рубежом, на котором ты, наш молодой современник, подводíš трудовые итоги прошлого. Ты растешь и мужеешь в героическом труде на благо народа, и замечательны плоды твоих сильных, умелых рук.

Они на головокругляющей высоте валят фермы в Братске, они сжимают вибратор, укладывая бетон в фундамент Западно-Сибирского металлургического комбината, они везут тракторы по просторам Кулундинского степи.

Сегодня ты с гордостью докладываешь Родине, что при активном участии комсомола введены в строй четырнадцать доменных и двадцать мартеновских печей, пятнадцать коксовых батарей, два-

дцать семь прокатных станов и цехов, построено и электрифицировано больше пяти тысяч километров железнодорожных путей.

Во втором году семилетки молодые труженики села откормили семнадцать миллионов свиней, вырастили больше восьми с половиной миллионов телят, четыреста девяносто восемь миллионов голов птицы, тридцать три миллиона кроликов. Сто пятьдесят тысяч молодежных агрегатов и заезевы выращивали кукурузу на площади около четырнадцати миллионов гектаров. В эти достижения аложили и твой труд.

Вот они, первые высоты, взятые с боя на передовых рубежах семилетки! И на каждой из этих высот горят яркое маяки героического труда, зажженные твоими сверстниками — Валентиной Гагановой, Марией Тимчук, Александром Кольчином, Евгением Прон-

киным, Михаилом Довжиком, Турсуной Атуновой, Иваном Каченовым. Насегда в историю человечества войдет нынешний год — год триумфального полета в космос воспитанника комсомола Юрия Гагарина.

Прекрасен твой праздничный день, этот молодой день лета. Он весь, как ты, в росте, в стремлении вперед. А в нынешнем году он еще знаменательней. Ведь праздник пришел к нам в преддверии исторического съезда партии.

В эти дни со строев, с предприятий, где ты варишь сталь, добываешь уголь, ткешь многоцветные ткани, собираешь тракторы, летят вести о новых трудовых победах. Молодежь страны решила встретить XXII съезд родной партии по-коммунистически; каждый юноша, каждая девушка готовят ему личные подарки. Эта замечательная

инициатива родилась в Москве лишь немногим более месяца назад. А уже сегодня этот благородный горим озаятл всю страну.

В эти знаменательные дни твои молодые, сильные руки пишут замечательную книгу — книгу личных подарков XXII съезду КПСС. Перелистывай мысленно эту волнующую книгу. Вот записи твоих ровесников с Алтая, из Зонального района. Они сообщают, что вырастили новый сорт пшеницы «Ибиска-комсомольская». А вот востоковед из Армении, из Араратской долины, где комсомольцы обязались снять за год два урожая кукурузы. Следующая страница — подарок тракториста Франца Дудко из совхоза «Целнинский», засевавшего за один день сто двадцать семь гектаров.

Пишут ленинградцы, обещая завершить семилетку в пять лет при отличном качестве продукции.

25 ИЮНЯ— ДЕНЬ СОВЕТ- СКОЙ МОЛО- ДЕЖИ

Пишут твои карьковские товарищи, которые взяли выполнять семичасовое задание за шесть часов. А бригада Регины Гетерковой—восемь дежат из Таллина—решила работать там, где раньше трудилась четырнадцать человек.

Как из многочисленных ручейков образуется полноводная река, так из сотен тысяч личных подарков будет создан весомый и зримый трудовой комсомольский подарок стране.

Неудержимо это патристическое стремление юности. На передовые рубежи семилетия, в первую шеренгу рядом с тобой становятся все новые и новые отряды молодых энтузиастов.

«Мы, дипломники медицинского института, единодушно решили после окончания учебы поехать на целинные земли...»

«Мы, ученики 10-го класса «А», получив аттестаты зрелости, пойдем в родной колхоз, в кукурузоводческое звено...»

«Мы, воины Н-ской части, хотим помочь нам после демобилизации всей ротой поехать на стройку Западно-Сибирского металлургического комбината...»

Вот он каков, День советской молодежи! Праздничный и в то же время обычный трудовой день, наполненный большими свершениями. И как день не похож на ночь, так и жизнь советской молодежи не похожа на жизнь молодежи в странах капитала.

По-разному складываются в мире судьбы молодого поколения. Мало радости и счастья выпадает на долю твоих заокеанских ровесников.

ВОТ ОН, МОЛОДОЙ СТРОИТЕЛЬ КОММУНИЗМА! МИЛЛИОНЫ ТАКИХ ЖЕ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ СОВЕТСКИХ ПАРНЕЙ СВАРИВАЮТ СТАЛЬНЫЕ ФОРМЫ В ВРАТСКЕ, УЛАДЫВАЮТ БЕТОН В ФУНДАМЕНТ ЗАПАДНО-СИБИРСКОГО МЕТАЛЛУРГИЧЕСКОГО ЗАВОДА. ВОДЯТ ТРАКТОРА В КУЛУНДИНСКОЕ СТЕПЬ.

Фото М. МИНАЕВА.

УЧИТЬСЯ, УЧИТЬСЯ, УЧИТЬСЯ — ЭТО ЗАКОН МОЛОДОСТИ НАШЕЙ СТРАНЫ. В КАЖДОМ ГОД ВУЗЫ СССР ВЫПУСКАЮТ В ТРИ РАЗА БОЛЬШЕ ИНЖЕНЕРОВ, ЧЕМ США.

Фото М. ОЗЕРСКОГО.

В тот час, когда ты спишишь на работу, полный новых замыслов и планов, твой заокеанский ровесник бесцельно слоняется по улицам Нью-Йорка, Чикаго, Бостона. В тринадцати крупнейших городах США каждый восьмой рабочий бродит от предприятия к предприятию в поисках работы. А в будущем году, как заявил министр труда США Гольдберг, на улице окажется еще миллион триста тысяч молодых рабочих.

Как жить дальше? Где найти деньги на обед? На что направить свою энергию, силы, pomysлы? От-

НЕТ, ЭТО НЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ ВАЛЕРИНЫ. ЭТО ВОСПИТАННИЦЫ РЕМЕСЛЕННОГО УЧИЛИЩА. БУДУЩИЕ РАБОЧИЕ.

Фото А. ЛЕЖИУСА.

вета на эти вопросы ищут многие твои сверстники на Западе.

Минуты такого раздумья и используют апологеты капитализма, апологеты «свободного предпринимательства». Будь изворотливы, учат они. Изобрети способ разбогатеть, добиваясь этой заветной цели, используя все средства. Ради этого, если нужно, предай друга, близких и даже родных.

И не секрет, что такие «идеи», словно жид, подталкивают молодые побег, вносят хаос и смутные в сердца некоторой части западной молодежи. Но очень скоро радужные мечты о банковском счете, шикарной машине и роскошной вилле на берегу лазурного моря вытесняются суровой действительностью капиталистического мира.

Это и вынудило недавно журнал «Лук», издающийся в Америке, сказать горькую правду о судьбе молодежи.

В одном из номеров журнала рассказывается о судьбе молодых — Барбары и Майка Хэнкинсов. Они живут в предместье американского города Сан-Луиса. Еще два года назад Барбара мечтала стать врачом, быть светилом в медицинском мире. Куда же исчезли ее мечты после двух лет замужества? Барбара была вынуждена бросить учение. Майк тоже

КАЖДЫЙ ГОД В США, КАК СВИДЕТЕЛЬСТВУЕТ ЖУРНАЛ «ЛУК», ВОЛЕЕ СТА ТЫСЯЧ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ПОПАДАЮТ ЗА ТЮРЕМНЮ РЕШЕТКУ.

РЕБЕНКУ НУЖНЫ ФРУКТЫ И МОЛОКО, НО КАК ВЪЕЗДИ В СУМЬЕ МОЛОДОЙ АМЕРИКАНСКОЙ МАТЕРИ ПОПАДАЮТ ЗА ТЮРЕМНЮ РЕШЕТКУ.

«ЦИВИЛИЗАТОРСКАЯ МИССИЯ» ПОРТУГАЛЬЦЕВ В АНГОЛЕ ОСНОВАНА НА ПРИНУДИТЕЛЬНОМ ТРУДЕ ЭТИХ МОЛОДЫХ НЕГРОВ НАСИЛЬНО ОТПРАВЛЯЮТ НА РАБОТУ В РУДИННИ.

не смог получить диплома об окончании учебного заведения: он должен работать, чтобы прокормить семью.

Но много ли получает Майк? Сама Барбара рассказала корреспонденту, что они с мужем очень часто ссорятся. Причина этих ссор в постоянных материальных затруднениях. Разве они мечтали о такой жизни, когда думали соединить свои судьбы? Теперь Барбара думает об одном: как свести концы с концами на те деньги, которые получает семья.

Взгляни на этот снимок (в середине). О чем задумалась молодая мать, почему у ее губ залегли горькие складки?

А вот еще снимок (вверху) из того же журнала. Он иллюстрирует репортаж под названием «Молодежь за решеткой». Он начинается словами: «Мальчику, которого вы видите на снимке, всего 12 лет».

Еще более удручающая судьба молодежи в стране, покоренных колонизаторами. Даже буржуазная пресса, верный телохранитель капитализма, не может скрыть, что эти страны — тюрьма для черного человека.

Тот же «Лук» признает, что «в Анголе негр безжалостно эксплуатируется и даже разговоры о независимости могут привести его за решетку».

Молодые анголцы, как и вся прогрессивная африканская молодежь, не хотят мириться с той «цивилизацией», которую наследуют колонизаторы. Все решительней они встают на борьбу за свободу и независимость. Их не страшит ни пытки, ни расстрелы. Они хотят быть свободными и будут ими. И никакие диктаторы не устоят под натиском национально-освободительного движения.

Нет, империализму не удастся сломить молодых, посеять в их сердцах неверия и пессимизма.

Думы о мире владеют сейчас каждым молодым человеком. Вот почему такой живой отклик в молодых сердцах нашла идея Всемирного форума молодежи, который открылся в Москве в конце июля. На этой встрече между представителями самых различных молодежных организаций будет идти широкий обмен мнениями по всем вопросам, волнующим сегодня всех. Есть все основания предполагать, что в дискуссиях, спорах участники форума, несмотря на различия во взглядах, примут к единому мнению по проблемам войны, мира, колониализма...

...Мы рассказали тебе о твоих ровесниках, живущих в мире, где царствует «его» преобладание капитала, чтобы ты еще не гадая предвещая себе, какова огромная пропасть лежит между твоей судьбой и судьбой твоих ровесников на Западе. День молодежи там — это безработица, голод, беспорядки. Твой день — это мечта, воплощенная в жизнь. Социализм, Коммунистическая партия открыли перед тобой все пути и дороги к знанию, к созидательному труду и творчеству. На долю твоего поколения выпало счастье строить самое справедливое общество на земле, о котором на протяжении веков мечтали лучшие умы человечества. Сегодня мы находимся в большом походе, походе к коммунизму. Его возглавляет сейчас каждый из нас.

И... Так хочется

хочется жить! ВСТРЕЧИ ВПЕЧАТЛЕНИЯ РАЗДУМЬЯ

И ходил очень четко и очень прямо. Я специально употребляю несколько нарочитое слово — очень. Именно излишняя уверенность была характерна для поведения этого пожилого человека.

Изо дня в день, засунув правую руку за борт отутюженного офицерского френча цвета хаки с белоснежным подворотничком, а левую опустив вдоль тела, шагал он одной и той же дорогой — через весь наш огромный двор к арке ворот, потом сворачивал на улицу...

И лишь по своим плоским окнам в дешевой оправе, по тому, как тщательно делал он привычные угли, как сова был его левый рука и напряжена сухощавая, без намека на сутулость спина, можно было понять, что этот человек спит.

Каждый раз, когда он проходил мимо нас — подтянутый и строгий, — мы переставали играть в коадунички, лагити или салочки. Потом, когда стали старше и hostility по двору было уже неудобно, прекращали свои тактичные разговоры, без намека на сутулость спина, кто с кем дружит да кто с кем в сорсе...

Это был человек ОТУДА. Человек, упоминавший нам, что идет войной. Потом — что война только кончалась.

Потом — что война была совсем недавно. Он повзвасл именно тогда, когда мы по своим ребячьим заботам вдруг забывали об этом. Он был для нас живым памятником тем, кто не вернулся, и тем, кто вернулся вот таким.

Я видела сражения и играла только на экране. Скупой подполковник обладал магической силой: он заставлял меня ощущать эти бои — запах войны. А еще заставляла остро чувствовать какую-то вину перед ним.

Мне казалось, с годами это пройдет, — ничего не поделаешь, обостренное восприятие девочки, чье детство совпало с беспрецедентной битвой. Но пло время, и зрение не менялось. Стало мне увидеть человека, чьей-то покоем на подполковника, а особенно понасть в те места, где не так уж давно наши люди умирали за каждый клочок родной земли, у меня повзваслало жежание прямо тут же, на улице, отставить любого прохожего, поглажившего свои бокашки и малыми заботами, и спрсить его.

Помнит ли он, по какой земле ходит? Не забыла ли, что было здесь, на месте вот этого кустика, на месте вот этого дома, каких-то палаток-два десятка лет назад?

Чити мы тек, кто да ему возможность свешивать на работу, радоваться своему экзамену, смеяться на кинокомедии, мучиться из-за трудной любви, то есть жить?

Мы часто загадываем в будущее. Это необходимо. Без этого жизнь была бы кудней и бескрылой. Но мы не должны забывать и о прошлом. Мы обязаны оглядываться назад.

Когда я узнала, что могу поехать в Сталинград, я обрадовалась и разволновалась: наконец-то побываю — и уже не проедем! — на земле, измученной войной, смогу познакомиться с людьми, живущими на ней теперь, и, посмотрев в их глаза и сердца, получить ответ на мучающий меня, да, наверное, не только меня, вопрос: помнит ли?

И вот я уже бржу по этому удивительному городу, албуясь его домами, простыми и красивыми, а перед глазами — строки из директивы гитлеровского командования № 41 от 5 апреля 1942 года:

«Следует попытаться дойти до самого Сталинграда или, по крайней мере, вырвать его из числа промышленных центров и узлов сообщения, подвергнуть его действию нашего тяжелого оружия...»

Они пытались... Они подвергали... Свыше восьмидесяти дивизий бросили фашисты на этот город. До тысячи самолетов прилетало каждый раз на его бомбежку. Больше двухсот дней и ночей длилась Сталинградская битва. Города земля. Горы Вольга. Только мирных жителей погибло сто пятьдесят тысяч человек! Материальный ущерб, причиненный городу, исчисляется в девять миллиардов рублей.

А Сталинград выстоял. А сталинградцы выдержали. Я представляю, как крились псыки из профрашистской газетки «Лейба», издававшейся в городе Лейпциге, на бульваре де-л-Совиньер, когда они 16 сентября 1942 года, так и не получив сообщений о взятии Сталинграда, были вынуждены отложить до лучших времен выход в свет своего специального выпуска.

А ведь все уже было смектровано, сверстано! И загадки придуманы: «Сталинград пал!», «Новая победа Европы!... Не хватало всего-навсего парочки снимков поверженного города и нескольких бойких строк, набранных жирно и broadly...»

Теперь фотожюна «спецулыска» демонстрируется в Сталинградском музее.

Вот он передо мной, Сталинград... Город, восстановив из пепла... Город, созданный на старом месте совершенно заново.

Кое-кто считал, что лучше и легче выстроить его где-то поблизости, а развалины сохранить как вечное обвинение фашизму. Сталинградцы решили иначе. На остове одного из зданий кто-то крупно написал: «Мы отстояли тебя, Сталинград, и мы тебя отстоим!»

И отстояли. Лучше прежнего. Потому что это было делом всех: старых и новых, коренных жителей и приехавших добровольцев.

Сейчас Сталинград — один из красивейших наших городов, один из важнейших промышленных центров, соревнующийся за звание города коммунистического труда и высокой культуры.

Я никогда не знала таких жарких дел до дома людей, как сталинградские комсомолки. Я никогда не встречала такого темпа жизни. Кажется, уже столько сделано! А им все мало.

Семилетка в пять лет! Это звучит — в самые жаркие сроки закончить строительство металлургического завода, который является высшей ступенью ударной комсомольской стройкой. Пусть же на полую мощность алюминиевый комбинат. Соединить железобетонным арочным мостом проспект Мира с южной частью города. Распространить на других предприятиях почвы тракторозаводов, вытеснивших за сокращение затрат на сельскохозяйственное производство. Электрививорить приватизированную железную дорогу. Завершить сооружение стельных на сорок тысяч мест, которое ведется методом народной стройки. Закончить озеленение Мамаева кургана...

А борьба за технический прогресс, за то, чтобы каждый четвертый

молодой рабочий был развешивать? А контроль за внедрением новых методов сварки? А учебки? А улучшение быта?

В полный рост иду я по земле, по которой не так уж давно было тепло. Прохожих немного: все на работе. Нечастые встречные торопятся по своим делам.

В центре площади Павших Борцов — братская могила. Широкие мраморные ступени, огромный литой лавровый венок, надменная надпись: «Здесь погребены павшие и офицеры 62-й и 64-й армий, героические заступники города, отдавшие смертью храбрость в дни великой Сталинградской битвы 1942—1943 годов». У подножия претят.

Смотрю на темный, колышущий мрамор и чувствую, как стнет что-то внутри. Сколько людей похоронено здесь! Сколько это несовершенных душ, несбывшихся мечтаний, неузнанных любимых, несчастливых песен, непрочеитанных книг!

Я собрался было идти, как вдруг заметила совсем рядом два мальчика. И уже не смогла отвести от них глаз.

Одна, та, что подоле, стояла, опустил свои вдовы тепа, так прямо и неподвижно, будто на часах. Другая, с лицом усталым и добрым, плащ-шляпкой ладонью, чуть покачивая головой в такт своим мыслям. Женщины не рассматривали надписи, веник. Вдвоя, прикладывая нос к венику. Они просто молча стояли и думали, каждая о своем. Так, не сказав ни слова, и ушли по одиночке.

Я не знаю ни их имен, ни причин, приведших к этой могиле. Но я поняла самое главное: помнят! Не громко, не парадно, а как-то очень по-человечески.

Примерно то же чувство — смесь облегчения, радости и горести — испытала я, когда увидела красную бумажную розу в бронзовой, словно покрытой походной пылью и непродыхающим загаром, руке женщины-воина, навечно склонившей голову над другой братской могилой.

Я не люблю искусственных цветов. Но тут, первый раз в жизни, с благодарностью смотрю на это что-то нехитрое издалека, на кусочек чего-то большого сердца.

Уходя, я несколько раз оглянулась: роза адела горько и ярко в темной, неподвижной руке «Скорбящей».

Еще лица, на которых война навсегда оставила свои жестокие метки. На лице Сталинградца их тоже немало. Это желтая и ламинетная, мемориальные доски и обелиски; это танковые башни на недостроенных, обозначающие линию обороны и главные рубежи; это — разрушенное здание мельницы — все словно фантастическое каменное кружево, которое решено оставить для потомков. Это трамвай с табличкой: «Конечная остановка — 13-й Сталинградский район». Это выжженные Солончатой.

Эти рубцы и ожоги каждый день напоминают о войне. Мимо них трудно пройти равнодушным.

Но во всяком случае, хотя бы искренне и нежно. Начну стараться жить как-то особенно красиво. Красиво в том единственном смысле этого слова, которое приемлемо для нашего времени, для нашей культуры и нашей культуры. Эти рубцы и ожоги каждый день напоминают о войне. Мимо них трудно пройти равнодушным.

... У Риты Сергеевой больше, серьезные глаза, кружный, строгий рот. А в утробе гуд привалась улыбка. На белом, с оборочками, дождевом плаще темнеют два длинных локота. Тогда это было модно — локоны вместо кос.

Такой запечател ее фотограф. Выбегая в тот день из его «клавильно-на» с еще валиками снимками в руках, разве думала Рита, что именно эти фотографии будут лежать в Сталинградском музее с короткой надписью: «Жестокость, комсомолка, за героическое выполнение боевых заданий награждена орденами Ленина и Красной Звезды, погибла в боях за Сталинград 4 декабря 1942 года». Что ее внимательно будут рассматривать притихшие посетители?

Давно уже нет Риты Сергеевой. А заглядывая, едва уловимая улыбка, увековеченная невольным фотографом, осталась навсегда.

Нет и Матвея Путилова. Он умер, зажав в зубях оголенный провод; осколком ему раздробило руку, а связь обязательно нужно было наладить. Не сохранился после него даже плахового снимка, только рукописная листовка, в которой товарищи во время короткой передышки написали красным карандашом: «Отместся за Матвея!»

Сашу Филиппова гитаровцы повесили. Он встретил приговор так же храбро, как и жила, добровольный заступник Сталинграда, маленький, неутомимый разведчик, которому бы еще в школу ходить да с мальчишками в снежки играть...

До самой последней минуты эти люди не думали о смерти. Потому что неслезно и жестоко уходит из жизни, когда тебе так мало лет, когда стоило надо сделать, когда еще совсем недавно успевал узнать и увидеть!

«Умирать на двадцать шестом году жизни не хочется. Так хочется жить!»

Это написала своей кровью тяжело раненный врач-ополченец Иван Поволяренко.

Об этом же думали тысячи других, погибших в пожарище Сталинградской битвы.

Жить? Жить в полную силу, с полной отдачей, чтобы теплее становилось всем, то с твоей радостью. Именно так и поступали бы они, если бы не война, если бы не смерть...

Своим самым последним желанием эти люди передали нам, чтобы мы за них сделали все, к чему они так стремились и чего они не успели...

Я встречалась со многими сталинградцами, о многих мне рассказывали, о многих читала в местных газетах. И я убеждалась: замечательные люди живут здесь. И живут именно так, как им завещано.

...СГЗ. Сталинградский тракторный завод. Нет такого человека, который, приехав в город, не побоялся бы на нем.

Вот и секретарь комитета комсомола Евгений Черниев я иду по прессовому цеху. Огромные, выкрашенные зеленой краской станины. Много света. Крутом красные косынки ударицы коммунистического труда. «Будто мы на лугу», — вдруг приходит сравнение.

Вы знаете, — прерывает мой рассказ, — когда мы случайно увидели две девушки, только что добившиеся звания, впервые появляющиеся традиционные косынки. Они так волновались, что доверие не могли их как следует надеть. А уж раскраснелись до чего!

Потом он приводит цифры. На заводе, который борется за звание коллектива коммунистического труда, шесть с половиной тысяч комсомолов. Они хотят выработать комсомолку в четыре года. Больше четырехсот рабочих уже трудятся по-коммунистически. На предприятии четыре тысячи комсомолов имеют среднее образование.

За этими цифрами, за этими фактами — люди, люди, люди... Мне рассказывают об их упорстве, принципиальности, целеустремленности. Об их истинно товарищеском отношении к своему труду. Но, пожалуй, самое большое впечатление произвела на меня одна случай.

В Сталинградском цехе произошло несчастье. Термист Колюсов, только что пришедший на завод, получил сильные ожоги. Парня могли спасти только пересадка кожи. И вот в этот час начался, в полном смысле этого слова, борьба за возможность помочь человеку, даже имени которого никто не знал.

Товарищ в беде! Товарищу угрожает смерть! Разъяснений не потребовалось. Каждому казалось, что он лучше, чем другой, перенесет операцию, что именно он должен идти в больницу.

Об их истинно товарищеском отношении к своему труду. Но, пожалуй, самое большое впечатление произвела на меня одна случай.

В Сталинградском цехе произошло несчастье. Термист Колюсов, только что пришедший на завод, получил сильные ожоги. Парня могли спасти только пересадка кожи. И вот в этот час начался, в полном смысле этого слова, борьба за возможность помочь человеку, даже имени которого никто не знал.

Товарищ в беде! Товарищу угрожает смерть! Разъяснений не потребовалось. Каждому казалось, что он лучше, чем другой, перенесет операцию, что именно он должен идти в больницу.

Об их истинно товарищеском отношении к своему труду. Но, пожалуй, самое большое впечатление произвела на меня одна случай.

В Сталинградском цехе произошло несчастье. Термист Колюсов, только что пришедший на завод, получил сильные ожоги. Парня могли спасти только пересадка кожи. И вот в этот час начался, в полном смысле этого слова, борьба за возможность помочь человеку, даже имени которого никто не знал.

Товарищ в беде! Товарищу угрожает смерть! Разъяснений не потребовалось. Каждому казалось, что он лучше, чем другой, перенесет операцию, что именно он должен идти в больницу.

Об их истинно товарищеском отношении к своему труду. Но, пожалуй, самое большое впечатление произвела на меня одна случай.

В Сталинградском цехе произошло несчастье. Термист Колюсов, только что пришедший на завод, получил сильные ожоги. Парня могли спасти только пересадка кожи. И вот в этот час начался, в полном смысле этого слова, борьба за возможность помочь человеку, даже имени которого никто не знал.

Товарищ в беде! Товарищу угрожает смерть! Разъяснений не потребовалось. Каждому казалось, что он лучше, чем другой, перенесет операцию, что именно он должен идти в больницу.

Об их истинно товарищеском отношении к своему труду. Но, пожалуй, самое большое впечатление произвела на меня одна случай.

В Сталинградском цехе произошло несчастье. Термист Колюсов, только что пришедший на завод, получил сильные ожоги. Парня могли спасти только пересадка кожи. И вот в этот час начался, в полном смысле этого слова, борьба за возможность помочь человеку, даже имени которого никто не знал.

Товарищ в беде! Товарищу угрожает смерть! Разъяснений не потребовалось. Каждому казалось, что он лучше, чем другой, перенесет операцию, что именно он должен идти в больницу.

Об их истинно товарищеском отношении к своему труду. Но, пожалуй, самое большое впечатление произвела на меня одна случай.

В Сталинградском цехе произошло несчастье. Термист Колюсов, только что пришедший на завод, получил сильные ожоги. Парня могли спасти только пересадка кожи. И вот в этот час начался, в полном смысле этого слова, борьба за возможность помочь человеку, даже имени которого никто не знал.

Товарищ в беде! Товарищу угрожает смерть! Разъяснений не потребовалось. Каждому казалось, что он лучше, чем другой, перенесет операцию, что именно он должен идти в больницу.

Об их истинно товарищеском отношении к своему труду. Но, пожалуй, самое большое впечатление произвела на меня одна случай.

В Сталинградском цехе произошло несчастье. Термист Колюсов, только что пришедший на завод, получил сильные ожоги. Парня могли спасти только пересадка кожи. И вот в этот час начался, в полном смысле этого слова, борьба за возможность помочь человеку, даже имени которого никто не знал.

Товарищ в беде! Товарищу угрожает смерть! Разъяснений не потребовалось. Каждому казалось, что он лучше, чем другой, перенесет операцию, что именно он должен идти в больницу.

Об их истинно товарищеском отношении к своему труду. Но, пожалуй, самое большое впечатление произвела на меня одна случай.

В Сталинградском цехе произошло несчастье. Термист Колюсов, только что пришедший на завод, получил сильные ожоги. Парня могли спасти только пересадка кожи. И вот в этот час начался, в полном смысле этого слова, борьба за возможность помочь человеку, даже имени которого никто не знал.

Товарищ в беде! Товарищу угрожает смерть! Разъяснений не потребовалось. Каждому казалось, что он лучше, чем другой, перенесет операцию, что именно он должен идти в больницу.

Об их истинно товарищеском отношении к своему труду. Но, пожалуй, самое большое впечатление произвела на меня одна случай.

В Сталинградском цехе произошло несчастье. Термист Колюсов, только что пришедший на завод, получил сильные ожоги. Парня могли спасти только пересадка кожи. И вот в этот час начался, в полном смысле этого слова, борьба за возможность помочь человеку, даже имени которого никто не знал.

ДЕВЯТЫЙ ВАЛ

Изучено припах к воде озерной,
 ее прохладу ми губами жгли,
 Хлеба горели,
 Осыпались зерна,
 как слезы нами отданной земли.

Девятый вал — не штурмовое море:
 первый сорок первый год девятым валом,
 на пенный гребень вздыбив наше горе
 в большом и малом.

Он был рубец терпению и боли.
 Он, как рубец,
 на всех сторонах выпал.
 И мы остановились в дымяном поле,
 чтоб разглядеть,
 какой он, этот вал.

Окопный житель в званье самом малом,
 я первой пулей страх убил в бою,
 Все думал: капля я —
 а стал девятым валом,
 что до Берлина силу нес свою.

Я лежу на траве,
 а земля весенне-сырая.
 Но мамы здесь нет.
 И немому поруге.
 Я еще не встала.
 В ста шагах от пуготого сарая
 черт ржину во ботла
 начинается гибкая гать.

А за нею — окопы.
 Там арабский снейпер дошлый.
 Он, наверное, тоже
 думает думу сейчас:
 то ли о ближнем будущем,
 то ли о дальнем прошлом.
 А за нею — окопы,
 там арабский снейпер дошлый.
 Он, наверное, тоже
 думает думу сейчас:
 то ли о ближнем будущем,
 то ли о дальнем прошлом.

Я лежу на траве,
 разнеженный лаской мая.
 Рядом — Федька-разведчик.
 Он работает номом мастак,
 Всю грамматику нашего дела
 с первых слов понимаю,
 мы толкуем о том,
 как мими крепить на мостах.

А затем мечтаем о доме,
 о девушках разных.
 Федька чистит травой сапоги,
 обрывая ее пучком.

Мы говорим о девушках.
 Ишь, кафельны мысли грязных.
 И, вдруг замолкая, наблюдаем
 за маленьким научком.

Заблудившись в траве,
 он мечется влево и вправо.
 Нету дала ему
 зад на нас, ни до этой войны.
 Не смущает его
 Мышьяк в стороне переправы.
 Мы ж не можем понять
 нелетевшей на нас тишины.

— Ах, как пахнет травой!
 Я давно гнил в смываю.
 Я сегодня еще не стрелял:
 мне завтра в разведку идти.
 Но пока мы тут,
 я себе помечать разрешаю
 разлувшись, лежу.
 А трава продолжает расти.

Мы лежим и не знаем:
 сейчас в биндаже командира
 прихрипел телефон,
 что пятнадцать минут прошло,
 как настал на Земле
 первый день долгожданного мира
 и что больше не нужно
 разведчикам их ремесло.

БРОНЯ

Штурмуя леса и степи,
 Стремясь прогнать их длаи,
 Из тайков сожженных пелес
 Мы в урны не собирали.
 Не склепали были танки.
 И мы, посевод от печали,
 К плафтарам на полустанки
 Тешили их тиграми.

В маргентах переживались...
 Друга мои!
 Вы не сторажи —
 Вы снова в полях возвращались
 Колонами гневной стаи.

Зверю зверь не разорет берлоги,
 Не разурит гнева негодя,
 Почему ж на змея ожеди,
 Пенлом делались города?

Я об этом спорить не стану —
 Сам тушина я огонь огнем.
 Хирисими воцные раны
 Поместились в сердце моем.

задумывались, и мне вдруг показалось, что многое забылось... как-никак прошло время, могли потускнеть в памяти и события и имена... Но по-тому помня: ничего не надо припоминать: все в сердце. Просто говорить об этом до сих пор тяжело.

Лида была секретарем Тракторозаводского райкома комсомола, когда началась война. С первых же часов она организовывала фронтовые бригады и работала на оборонительных рубежах, проводила политзанятия и принимала в комсомол. Рядом с ней были ее неизменные друзья: Петя Скорухов, Паша Макаров, Лида Извева, Боря Рапкинко и много-много других скромных и храбрых ребят. Один из них погибал, другие выжили. Но каждый отдавал все, что мог отдать.

Позже Лида Пастикова вместе со своими комсомольцами сражалась в рядах 62-й армии. Ходила в разведку, вела полбратство, а в свободные минуты символа изювяннор райкомовской знамен, которое храню и по сей день, и вместе с подаренным титлятью штормала его.

Мы сидели с Лидей Степановной в каком-то уютном кабинете. А прошлое было рядом с нами. Все помнит эта женщина. Помнит молодых зенитчиц, полтора месяца державших оборону и до единой уничтоженных фашистами. Комсомолки, работавших на рубежах и оказывавших отрезвители от своих вражеским десантам. Крошечного мамлинушку, бедняго, как картофельный росток, сидющего около нашей пушки, а рядом — мертвую меть.

Помнит тот долгожданный февральский день, когда на город внезапно упала ватная тишина и люди вдруг поняли, что изменило на иквянове и них не осталось сил. И как очинивши улицы от убийств. И как строили панетки, бани, пекарни. И как засадили в каждом доме выжелее разрушенного дома, греясь у ведра с горячей бумагой, а Лида, теперь уже секретарь горкома, вместе с двадцатью комсомольцами, оставшимися в городе, назначала очередной план работы. И как свалил тут же, рядом, примерная за ночь друг к другу...

Я слышала Лидино Степановну и вспоминала полотно Далакура «Слоба на баррикадах»: женщина с винтовкой в одной руке и флагом в другой ведет за собой бойцов революцию...

Лида Пастикова, обвизанная знаменем райкома, мужественный и скромный защитник Сталинграда... Разве это не сюжет для новой картины...

...К Ивану Филипповичу Афанасьеву меня привел его друг Петр Александрович Афиногенов.

— Он лучше меня об этом расскажет... приговаривал по дороге старик... Книгу ведь написан про те времена. А я только помогал ему, чем мог.

Дверь открыл сам Иван Филиппович. Ширококумий, коренастый, в помятой рубашке, этот человек ничем не походил на подполковника из моего детства.

И еще же, когда он, ориентируясь на мой голос, протянул руку, когда дело шло, когда в комнату, когда, усидев, гану на меня исподти, но ничего не выходящим глазами, а тутчас же испомачав высокую подтянутую фигуру, персекающую шаг довер. Человек ОТГУДА...

Иван Филиппович приваждает к тому поколению, которое двадцатилетним ювало в руки оружие и ушло отстаивать жизнь. Фронтовая судьба забросала лейтенанта Афанасьева в Сталинград. Там-то и выпали на его долю волячайшие испытания.

Дом Павлова... Все, наверное, слышали о мужестве четырех советских воинов, захвативших здание, на которое враг возлагал столько надежда и которое пошлоло им прорваться к Волге. Но далеко не все

знают, что через несколько дней на помощь смельчакам пришел бойца лейтенанта Афанасьева.

Пятьдесят восемь суток, укрепившись в подвалах, держали они оборону. Пятьдесят восемь дней и ночей отражали они атаки гитлеровцев, ежесекундно показывая удивительные примеры человеческой храбрости, выносливости, воли. Здесь собирались люди разного возраста, разного характера, разной национальности. И среди них не было ни одного труса.

С большой нежностью говорит Иван Филиппович о своих товарищах по гарнизону — Павлове, Воронове, Ивашенко, Романзнове, Турдмане... Со скалькими людьми пришлось вместе воевать, а эти забыть не может. Но вспоминает с помощью друзей написала, чтобы все знала, какие замечательные люди кровью своей заплатили этот кусочек сталинградского земля.

Война забрала у Ивана Филипповича не только лучшие годы, но и самое необходимое — зрение. А бывший капитан Афанасьев не сдался, такля уж у него привычка. Ни дня не сидит без дела: выступает перед молодежью, принимает у себя бесконечных посетителей, собирает дополнительный материал для нового издания своей книги, ведет переписку с антифашистами многих стран.

Мне захотелось побывать в доме, который известен всему миру. И вот мы уже идем туда вместе с Петром Александровичем. Еще в тридцатые годы он добровольно строил его для совершенно незнакомых ему людей. После войны вместе с домашними хозяйками, которых возглавлял Александр Максимович Черкаска, восстанавливала его. Теперь сам живет здесь и, несмотря на свой преклонный возраст, является активным обществником.

— В моем доме народ хороший, — говорит по дороге Петр Александрович. — Вот только ребятишки в футбол играют и стекла бьют. Деревянные цитками заделаны от них окна в подвале. А вообще-то у меня все в порядке...

«У меня все в порядке». Так может сказать только настоящий хозяин, рачительный, бесполокный...

Вот и свитый, четырехэтажный дом. От торцовой стены, на которой укреплены мемориальная доска, полуразрушены расходятся колонны, скрепленные чугунными решетками. Ускер домом тамтичка Ленину. Рядом — сад. Детская площадка. Там возится неутомная ребятня да о чем-то гордано переговариваются голуби...

— А сейчас ступимся в тот самый подвал, — приглашает Петр Александрович. — Там у меня теперь красивый уголок...

Несколько ступеней вниз, и мы в залитой светом огромной комнате. На стенах — фотоснимки, на столах — свежие газеты, журналы, настольные игры. В центре — группа женщин. Присматриваюсь — в руке у каждой опция ринки.

Теперь еще ряд вылезает... — нетерпко командует одна из них. Петр Александрович довольно усмехается:

— Рюкзачницы наши — кружое звено.

Мы стоим на эти стены, когда-то изрешеченные пулями, на этот пол, где лежали за пулеметами, снами, превзывали раны бойцы, на эти окна, скрывающие им амбулаури, а теперь тщательно заделанные «холозяно» (уж эти мальчишки!), и вспоминаю один за другим эпизоды, рассказанные Иваном Филипповичем. Теперь тут женщины учатся вать...

Может быть, здесь все нужно было оставить таким, как в дни обо-

роны? Не стремление ли это поскорее уйти от тяжелого прошлого и все забыть?

Не думаю. Меня, человека, впервые посетившего Сталинград, не только не оскорбило, а наоборот, приятно поразило то, что в этом, всемирно известном доме идет обильная жизнь, что все еще продолжается. Что дом этот не надомалился, как слабый человек, несмотря на все свои тяготы. Что его не сумели убить.

А если говорить о памяти, то в Сталинграде нет ни одного человека, старика или призрака, который не знал бы дома Павлова, не знал бы его героической биографии. Шофером такси не нужно давать точного адреса, достаточно сказать:

— К дому Павлова!

Потому пусть во дворе этого дома играют дети и валяются голубы, а в красном уголке женщины учатся вязать...

У кажда́м днём я все ближе и ближе узнавала город, и с кажда́м днём я укреплялась в мысли, что все в нем должно быть лучше, чем где бы то ни было, — чище, светлее, возвышеннее. Это должен быть город бесконечно честный и беспримесно составных людей, которым так хочется жить и которые живут так.

И тем горше было оттого, что мне встречались здесь другие люди, которым тоже хочется жить, по которые вкладывают в эти слова совсем иной смысл. У них своя философия: побольше взять, поменьше отдать. Им лезть где они живут, по каким мостовым ходить. Аишь бы было сытно, дешево, спокойно.

...Случайно я видела, как несколько парней, мурманка какую-то синкопированную мелодию и ритмично цокая по безмолвному мармуру подковками остроносых ботинок, равнодушно рассматривали надпись на британской могиле, той самой могиле, у которой я встретила двух женщин.

— В один из тех дней, что я была в Сталинграде, мирную тишину дни сменил глухой звук траурного марша. Они шли в воздухе, проникали в дома, оседали в сердцах. Хоронили Вячеслава Ноздрина, дружинника. Он был убит ударом ножа в спину. За несколько минут не стало двадцатилетнего мастера завода имени Петрова, комсомольца, баскетболиста, влюбленного, уже приглашенного друга на свадьбу...

Столько лет спустя после окончания боя здесь вновь был убит человек...

Стит ли говорить о том, кто непосредственно это сделал? Иван или Петр, какой разниц! Важно другое: что он смог это совершить. Что это никто не схватил за руку и за ногу. Что в таком городе, как Сталинград, и без того vanno кровью и слезами, снова пролились слезы и кровь.

Когда я думаю о нечисти, засоряющей этот город, прошедший славный огонь, мне хочется, чтобы свершилось чудо: чтобы одновременно заблещились все мертвые сердца, лежащие в сталинградской земле. Это был бы точек такой силы, какого, наверное, не регистрировало до сих пор сейсмограф. И от него, главного и страстного, не устоя бы на ногах ни один мерзавец.

Но рассчитывать на чудо не приходится. Я думаю, что сталинградским комсомольцам вполне по силу сделать так, чтобы слово «Сталинград» означало аишь одно — «замечательный человек».

Я уезжала вечером. Перед отъездом еще раз обшла знакомые улицы, стараясь запомнить каждое название. Ходила я по этому светлосому городу и вспоминала письмо, пришедшее сюда из Германии.

«...Удивительно, как советские люди своим трудом сделали город на Волге таким прекрасным... Всем моим мальчикам и большым друзьям я посылаю свои лучшие пожелания... Пусть Сталинград навсегда останется городом мира. Герберт Швабе, Дрезден, Берлихштадтская, 26, ГДР».

Кто он, этот величавый Герберт Швабе? Чем он занимается, сколько ему лет, какие у него глаза, что он любит? Из письма это неясно. Зато известно другое: немецкий народ признал войну, как невадвдять се сталинградцы, как невадвдять се большинство человечества.

Двадцать лет прошло с того дня, когда нашу землю взрвали фашистские бомбы и гусеницы вражеских танков.

Двадцать лет прошло с тех пор, как замерли в своем последнем движении первые убитые.

Двадцать лет. Это так много и так мало! За эти годы выросло целое поколение. Но подполковник из моего детства, человек ОТУДА, все так же мерит двор своими четкими шагами. Только голова у него стала седой да синяя чуть-чуть сестуальнее.

Он идет уверенно и прямо, этот старый, старый человек — живое напоминание, живое предостережение. Он молчалив. Но достаточно взглянуть на него, чтобы понять: новой войне не должно быть!

И еще одно. То, каким станет будущее, зависит не только от твоего соседа, твоего сослуживца, твоего товарища. Ты сам, своими руками, своим мозгом и сердцем должен его создавать, ты сам, а не кто-то другой должен делать историю.

г. Сталинград.

СЪЕЗДУ НАВСТРЕЧУ

ДАРЫ ДОБРОГО СЕРДЦА

Получил этот номер журнала, вы, конечно, обратили внимание на двух урубившихся девушек в белых халатах, изображенных на первой обложке. Зовут их Лена Пименова и Нина Харитоновна. Обе они работают в пистальном цехе московской коммундической фабрики «Ударница». Сейчас это самая знаменитая коммундическая фабрика в стране: комсомолки «Ударницы» вместе с двумя другими комсомольскими коллективами — заводом железобетонных изделий № 4 и карбюраторным заводом — стали значительными движением за личные трудовые подарки ХХII съезду партии.

След объяснить тот факт, что одновременно в трех коллективах появилось стремление молодежи встретить приближающийся съезд родной партии коммунистически! Случайным совпадением?

Нет, совпадение это далеко не случайное. Мысли, волновавшие молодежь комсомольских коллективов патристического движения наших дней, вынашивались в сердцах миллионов людей. Образу говоря, выступление москвички стало искрой, зажигающей огонь своей ничитавны по всей стране.

И вот из далекого Баку, с нефтяных вышек, доносится: «Мы выражали наши мысли и чаяния, москвички!» Талиские предприятия сообщают: «Соревнование за личные трудовые подарки съезду идет на полную ход!»

Ленинградские судостроители откликнулись: «Наши сердца с вами, комсомолки Москвы!» О своих обязательствах встретиться съезду по-коммунистически, личными трудовыми подарками телеграфируют механизаторы Целинного края, рыбак Камчатки, металлурги Украины.

И опять-таки не случайно, а вполне закономерно, что этот славный почин зародился в коллективах коммунистического труда.

Бригада Зины Черновой в «Ударнице», Бригада Владимира Тропанова с четвертого завода железобетонных изделий, токарь Борис Савкин с карбюраторного уие заволави право называться инициаторами и ударниками коммунистического труда. И вот те, кто подвигали их почин, включая в свой лич-

ный трудовой подарок обязательство завоевать ко дню открытия съезда звание ударника коммунистического труда. Так сделали, например, комсомолки Центрального телеграфа. Это и есть продолжение и развитие всенародного движения.

Повышать свои знания, свое умение, непрерывно совершенствоваться, расти — это одна из характерных особенностей обязательств по личным подаркам. Лена Пименова, например, обещает освоить, доложить и обучить бригадир участка, Владимир Тропанов — оканчить техникум.

Самое удивительное, самое волнующее в этом движении — широкий простор для смелых мыслей, для воплощения желаний, неограниченное поле деятельности для каждого, кто хочет личным подарком, по-коммунистически встретиться ХХII съезду партии. Но во всех случаях ценность подарка неизменна. Это дар сердца, это — движение души, это — личное участие в великом деле партии.

Не только трудовыми достижениями знаменуются личные вклады. Основной призыв участников движения: встретиться съезду по-коммунистически! Непрерывно совершенствоваться, расширять свой культурный и политический кругозор, повышать знания, вести общественную работу — так общаются молодые энтузиасты с предстоящим съездом. ХХII съезду КПСС, так строят свои личные планы. Бригады фрезеровщиков карбюраторного завода Владимира Калинин будут учить всех ребят из своей бригады работе на зуборезных и зубодобельных станках. Владимир Тропанов даст не менее трех рационализаторских предложений. Лена Пименова обещает не менее 15 часов отработать на благоустройстве фабричной территории.

Народная мудрость гласит: вода котлы состоит из маленьких капелек. Так и сейчас — отдельные трудовые подвиги, сливаясь вместе, подыали по своей ставне движение, ставшее всеобщим. Значительными подарками в жизни, учебе, труде встретятся с предстоящим ХХII съездом родной коммунистической партии.

УДАРНИКИ КОММУНИСТИЧЕСКОГО ТРУДА ЛОКОТИВНОГО ДЕПО МОСКВА-СОРТИРОВОЧНАЯ ПРЕДЛАГАЮТ: ПРИСВОЕНИЕ ПРЕДПРИЯТИЯМ ЗВАНИЙ КОММУНИСТИЧЕСКИХ

ОБСУЖДАТЬ ВСЕНАРОДНО.

В нынешнем году День советской молодежи юность нашей страны встречает небывалым трудовым подъемом. Он проходит под знаком подготовки к большому историческому событию — XXII съезду КПСС. Сейчас каждый молодой человек готовит личный трудовой подарок съезду. Этим молодежь от всего сердца выражает свою любовь и доверие родной партии.

Все шире и полнокровнее в эти дни становится движение за коммунистический труд. Вступают в соревнование за почетное звание целевые предприятия.

Предприятие коммунистического труда! Ведь это своего рода островок коммунизма, островок нашего будущего. Это звание обзывает каждого — от директора до рабочего — быть высоким образцом в труде и в личной жизни.

Однако, как и во всяком новом деле, в движении за коммунистический труд есть еще, на наш взгляд, некоторые нерешенные вопросы. Особенно волнует нас, КЕМ и КАК должно присваиваться высокое звание «предприятие коммунистического труда».

Это беспокоит нас еще и потому, что в условиях широкого распространения движения за коммунистический труд иные комитеты комсомола и профкомы в погоне за количеством забывают о высоком смысле звания «коммунистический». А ведь еще Владимир Ильич Ленин писал: «Слово «коммуна» у нас стало употребляться слишком легко... при этом нередко забывается, что СТОЛЬ ПОЧЕТНОЕ НАЗВАНИЕ надо ЗАВОЕВАТЬ долгим и упорным трудом, завоевать доказанным ПРАКТИЧЕСКИМ успехом в строительстве действительно коммунистическом».

Что же должен решить вопрос о том, достойно ли этого звания целое предприятие — фабрика, завод, шахта, совхоз! Пока что вопрос о присвоении звания не выносится на широкое обсуждение общественности, а решается в узком кругу.

Но ведь при таком кейшем обсуждении трудно узнать, как боролся тот или иной коллектив за повышение производительности труда, за выполнение плана, как велась воспитательная работа. Это, безусловно, наносит ущерб делу, лишает возможности перенимать опыт лучших. К тому же в масштабе района или города не всегда возможно принять верное решение. Ведь иные предприятия поставляют свою продукцию в другие области и республики. И мнение заказчиков, то есть тех, кто имеет дело с этой продукцией, тоже должно быть обязательно учтено.

Что же мы предлагаем!

Прежде всего самую широкую гласность. В нашей стране есть опыт всенародно-го обсуждения произведений литературы и искусства, трудов ученых, выдвинутых на соискание Ленинских премий. Ленинская премия — это самая высокая оценка труда советского человека. И по хорошей традиции работы, выдвинутые на соискание Ленинской премии, обсуждает вся страна. А разве присвоение коммунистического звания целому предприятию — огромному коллективу людей, передовых людей нашего общества, — менее важное событие в жизни страны!

МЫ ПРЕДЛАГАЕМ: ЗВАНИЕ КОММУНИСТИЧЕСКИХ ПРИСВАИВАТЬ ПРЕДПРИЯТИЯМ ПОСЛЕ ШИРОКОГО ВСЕНАРОДНОГО ОБСУЖДЕНИЯ. ПРИ ЭТОМ НЕОБХОДИМО, ЧТОБЫ ВО ВРЕМЯ ТАКОГО ОБСУЖДЕНИЯ НА СТРАНИЦАХ ПЕЧАТИ, ОСОБЕННО КОМСОМОЛЬСКОЙ, БЫЛ ДАН ВСЕСТОРОННИЙ АНАЛИЗ УСПЕХОВ РАБОТЫ ПРЕДПРИЯТИЯ, ЕГО ОПЫТА, ДОСТИЖЕНИЙ.

Нам думается, что для этого нужно создать республиканские, а может быть, и Всесоюзный, общественные советы по присвоению коллективам звания коммунистического труда. Членами этих советов, по нашему мнению, должны стать передовики производства, видные общественные деятели, старые члены партии, представители комсомола и профсоюзов. Они-то и будут на основе широкого обсуждения один, а может быть, два раза в год присваивать высокие звания.

Мы считаем, что предприятие, удостоенное звания коммунистического, должно заноситься на специальную коммунистическую доску почета, которую следует установить в Москве, на Красной площади. Такое предприятие должно иметь свое особое клеймо, свою марку, чтобы все знали: эта продукция сработана руками тех, кто трудится по-коммунистически. Мы думаем, что все это будет способствовать еще большему размаху движения за коммунистический труд и одновременно поднимет его на более высокую качественную ступень.

Локомотивное депо
Москва-Сортирочная.

Владимир СТАНИЛЕВИЧ, Виктор ШАРОЙКО,
Александр РАПОПОРТ, Лев КРЫЛОВ

А Т В О Е
М Н Е Н И Е,
Т О В А Р И Щ Ъ ?

А. РУБИНОВ

Рисунки Ю. РЕБОВА.

НЕ УКРАДИ

РАССКАЗ

Вор был человек воспитанный, с деликатным характером. Прежде чем влезть в окно, он не снискал потерь подожгли о скобу на крыльце: чтобы не наслыдался, а не потому, что боялся оставить улики. Когда перемачивала через подоконник, закрыв створки, чтобы не бодалось на ветру. Видно, он очень уважала тех, к кому проник под этой ночью не самым прямым путем, уважала и отменно знал, что где расположено.

В белой тумбочке под салфеткой нашарил маленький ключ, открыл им белый же шкаф. Достал оттуда звенящее колечко с ключами, одним из них отпер дверь в соседнюю комнату все с такой же белой мебелью. Даже ящики на полке, глубокие, открытые сверху, похожие на библиотечные каталожки, только крупнее, были выкрашены в белое. Впрочем, все это было белым дном, а сейчас вещи ядовито светялись синим, пугали своей ясностью.

В ящиках, тесно сжатые, стояли плотные листы бумаги. Вор занялся ими, хотя мог бы отворить письменный стол, в котором — он знал это — лежали деньги.

Он был очень предусмотрителен, этот вор. Взял с собой купальный специально для этой ночи электрический фонарик. Вор осветила себе, торжественно отскочив вуглерод картонку.

Тут ему изменила осторожность. Видно, кто заметил свет, может быть, из угловой части здания. По коридору, размеренно шумно ступая, шли люди. Значит все об этом доме, вор легко опрделала, что это две нестройные женщины, обе в тапочках, одна полная и немолодая, другая — юная и легкая. Женщины старались производить как можно больше грохота. Погремевши ключом, помкнули со стуком дверь в первую комнату.

— Кто здесь? — крикнула кто-то из них неестественно высоким голосом. И сразу вспыхнула люстра. Она бросила желтую полосу под прикрытую дверь во вторую комнату.

Вор едва успела спрятаться за занавеской. Закрылась белыми жалюзи, которые ночью казались синими, и застыла. В другую комнату не зашла.

«Я НЕ МОГУ ЕЕ БРОСИТЬ...»

Ачил Муминов мог бы поклясться, что нет на свете человека более несчастного, чем он. Почему? Жил Ачил в колхозе имени Сталина, Шафракского района, Бухарской области, в Узбекистане. Начиная с седьмого класса после уроков шел на поле и возвращался в сумерки: полон сорняков, дыма-тмушун, и всюкую другую работу в зависимости от календаря. Ну, что это за жизнь, скажете, помазугута, если нет в колхозе настоящей бани, нет клуба, раз в месяц показывают кино и уж который год чинят электростанцию. Ни читать тебе, ни писать — только глаза портить.

Выйдешь за ворота — и как в чернила попадаешь: тьма-тмушун, ни одного фонаря. Тьхо, только собачи лайню брешут. Постошь у ворот, постукаешь да и отправляешься спать. Разве Ачил для этого десять классов окончил? Он терпел, пока учился. Теперь хватит. Как только получат аттестат зрелости, ноги его здесь не будет. В город уедет.

Жалко было матери Ачила расставаться с ним: одна она, муж погиб на войне.

— Не уезжай, сынок,— уговаривала мать.— Чем тебе в колхозе не нравится? Коровы есть, молока вдоволь. Не зря говорят: деревья зеленеют на одном только месте — там, где они выросли. Так и люди. Мы крестьяне, хочешь найти свое счастье — ищи его в земле!

Но после выпускного вечера Ачил все же уехал в Самарканд, в медицинский институт и... трех очков не добрал на вступительных экзаменах.

Теперь вы понимаете, почему Ачил Муминов считал себя самым несчастным человеком на свете.

Ачил шел по улице и напряженно думал: «Остаться в Самарканде? Зачем?... Как зачем?! Работать!.. А жить где?»

Выл вечер. Мимо Ачила текла нескончаемая толпа. С детьми на руках, с пакетами, авоськами люди торопились домой. В окнах зажигались огни, слышались зvon посуды, звуки нагрянувших теледекоров. Ачил почувствовал себя бесконечно одиоком. Он вспомнил свой родной дом. Там тоже вечер. Мать возится над шипящим котлом, вмазанным в глиняную печь. Весье трещит хворост, выстреливая снопы искр, и языки пламени лягут густоюи сумрак...

Дальное воркование горлинок плывет над полями... Люди возвращаются с полей.

...Он вступил в одну из хлопководческих бригад колхоза. Брался за любую работу.

- Ачил, надо полить участок! — говорил ему бригадир.
- Будет сделано! — отмазывал Муминов.
- Ачил, подмени тракториста!
- Есть!

И так весь день. Люди удивлялись, видя такую расторопность. И, наверное, одна мать Ачила понимала, что происходит с сыном. Парень испускал свою вину перед землей, к которой, быть может, впервые в жизни почувствовал уважение.

А спустя некоторое время Ачила выбрали секретарем комсомольской организации колхоза. Как-то, готовясь к очередному сообщению в кружке текущей политики, он перечитывал газетные колонки и заинтересовался докладом председателя колхоза имени Коминтерна, Мичуринского района, Тамбовской области, Е. А. Андреевой Н. С. Хрущеву. В этом колхозе по сравнению с 1953 годом производсто мяса возросло более чем в 40 раз, молока — почти в 3 раза. И все за счет кукурузы! «А что если нам, молодежи, заняться этим делом? — задумался новосозданный секретарь. — Сколотить бригаду, попросить земли. Но согласится ли ребята?» Ребята согласились: они не меньше Ачила мечтали дорваться до настоящего дела.

Их было восемь с Ачином, выпускников колхозной школы, пожелающих стать кукурузоводами: Барно Ходжаева, Моира Ибрагимова, Латиф Раджапов, Сулхан Дустов, Кадыр Шукуров, Ибрагим Джамалов, Джурта Ташджумаев. Ни кто из них тогда не пододрезал, сколько неприятностей престоит им.

Председатель выделил комсомольцам участок в 35 гектара, а Ачила назначил бригадиром вновь созданной кукурузоводческой бригады. И председатели тоже не пододрезал, что обрекает себя на бесконечные хлопоты.

Дело в том, что земля, отведенная Муминову, принадлежала одной из хлопководческих бригад. С хлопководов же один спрос: дай больше хлопка. Больше земли у бригады — больше и хлопка. А больше хлопка — больше трудностей, это награды и грамоты, почет и уваже-

ние. И наавтра после решения о передаче земли к председателю явился «хозяин» 35 гектаров (назovem его Пулатов-ага) и философски осведомился:

— Скажите, уважамый, чем по праву гордится узбекский народ?

— Хлопком, — осторожно ответил председатель, пытаясь понять, куда клонит бригадир.

— Правильно! — торжественно согласился Пулат-ага и зловещим от возмущения шелестом продолжал: — Тогда почему кадимто-то самозванцам отдали на растерзание кусочек сердца моего, таким-то дядя гектаров участка?

— Кукурузу тоже надо уважать, — перебил председатель.

— Ну вот что, дорогой. Собирайте правление, там и поговорим, кого надо уважать!

...На заседание правления бригада Муминова пришла в полном составе. Но в кабинет пустили одного Ачли, остальные примостились за окнами.

— Так вот, мы собрались... начал было председатель, но с места поднялся Пулат-ага.

— Простите меня, но землю я не отдам, — твердо сказал он. — Я решил все тридцать пять гектаров сам засеять кукурузой. И хлопком буду выращивать и кукурузу!

Все уставились на него с недоверием: слишком неожиданным было решение знаменитого хлопководы. И лишь Ачли, о чем-то раздумывая, морщил лоб. Потом спросил:

— Пулат-ага, кому лучше живется у матери: родным ее детям или неродным?

— Глупый вопрос! — отрывались старики.

— Вот видите! — обрадовался Ачли. — Каждый знает, что лучше родным. Так и у вас, между прочим. Вы все сердце хлопку отдали, любите его как родного. А кукуруза у вас будет, что неродной ребенок.

— А ведь он как раз говорит! — улыбнулся председатель.

— Дело? — Пулат-ага как прислонился к месту. — Пусть он прежде научится меть в руках дергать!

Голос его потонул в гуле возмущенных голосов за окнами:

— Пусть клуб откормит!

— А почему радио не проводит?

Ачли выглянул за окно и обернул. Площадка перед зданием правления была полна народу. Парни и девушки из его бригады, из других бригад колхоза.

— Твоя работа? — сердито спросил председатель.

— Нет, ваше, — ответил Ачли. Спохватился, забормотал: — То есть я хотел сказать...

— Ничего страшного. В России больше тысячи собирают, хотя участвует в них не так много из олово Мамунов, 450 гектаров. Секрет простой: с умом работают. Вот и ты собирай, даром, что ли, десятилетку окончишь?

— Нет, не собрал там тысячу! — сомневался Ачли.

Верно, одним урожаем не собрать: опыта малоовато. Но кто мешал вырастить урожай? Создать хитроумно? А галечник? Да, чуть не забыл! — Вали вынули из внутреннего кармана пиджака брошюры об опыте работы Н. Мануковского и А. Игталова, изданные на русском языке. — Не успели их на узбекский перевести, сам переводили...

И Ачли увидел вписанные прямо между строчек узбекские слова... И как и знак благодарности Ачли, но вышло одно: без трактора им не обойтись.

«Погоди! — останавливал себя Ачли. — На своем участке трактору делать нечего, только зря веронис жечь. Мануковскому-то и на 480 гектарах тесно. Да и много ли соберешь с 35 гектаров? А что, если править землю? У дустани откосовый, у солончаков? А галечник? Грунтово-вода? Не страшно. Можно слепить воду, надо лишь дрыны прокатать и отвести воду в коллектор. А там, где галечник, тоже действовать с умом. Выбрать такие места, где его поменьше. Дать побольше местных удобрений. Но где взять столько удобрений?»

И как и знак благодарности Ачли, но вышло одно: без трактора им не обойтись.

...На два километра в пустыню ездил ребята в поисках удобрений, обрабатывал под солнцем, томилась от жара, вырубая твердые, как глина, слепившиеся комки извести навозом.

После семи гулдиги дождя. Плотная корка покрыла участок, не давая всходам пробиться наружу. По совету Вали зашлись разбивать ее ротационной мотыгой. Несколько дней и ночей не возвращались домой. И всходы наконец появились!

В начале лета появились бураны. Стучало, неслалась вислое в воздухе желтая таяя пелена — собственной руки не разгляди! Целые барханы наметало вокруг растений. Вадыхался, жужжи кустики, вяли.

У ребят опугунились руки. Треть будущего урожая могла потерять бригада! И потеряла бы, не пряди ей на помощь Вали. Он предложил копнуть участки водой, сыпать песок. Рискованное дело — атак недалеко и кустики поломать! — но у Вали получилось.

Не один Вали помогал Ачли и его бригаде. Колхозное руководство отгронировало для них силосоуборочный комбайн. Тут о колхозе с автоматизмом, но бригаде в них никогда не отказывали.

Неодаром говорит: «Миром и горы славимом». Зимой Ачли стал студентом заочного отделения Самаркандского сельскохозяйственного института. 1126 центнеров зеленой массы с початками молочно-восковой спелости сняла бригада с каждого из 50 гектаров своего участка за два урожая. В пять раз больше, чем собирали в колхозе, в десять раз больше, чем в среднем в республике.

В два раза больше молока стали давать коровы, и почти на его голол крупного рогатого скота прибавилось колхозное стадо.

Центральный Комитет Коммунистической партии Узбекистана одобрил инициативу бригады и объявил партийные и комсомольские организации республиканского широкого распространения ее работы. Пятнадцать кукурузоводческих молодежных бригад было создано в одном только Шафраникском районе.

Интересно получилось: сажали люду кукурузу — выросла добрая слава. Еще интереснее то, что именно к Ачли, бывшему «депутату», приходили за помощью матери с просьбой «поставить на ноги» их сыновей, которые все стремились уехать в город. И, слушая их, Ачли не мог сдержать улыбки...

В 1960 году уже 80 гектаров обрабатывала бригада и собрала по 1540 центнеров зеленой массы с початками с каждого гектара!

Бригаде присвоили звание коммунистической бригады.

Молодой коммунист Ачли Муминов стал членом ЦК компартии Узбекистана, депутатом областного Совета, руководителем школы передового опыта, созданной в колхозе...

Но жизнь готовила Ачли еще одно испытание.

Весной этого года он поехал в Самарканд сдать экзамены за первый курс. Приехал, сдав, оказался в обратный путь, и вдруг...

— Скажите, Ачлибага, а не хотели бы вы переехать в город? — спросил его директор института, приглашен в свой кабинет.

Ачли расслезился. Душа, за другим поехали: при успеваемости поговорить или еще чем. А тут...

— Да, в Самарканд, — повторил директор. — Мы открываем при институте опытное поле, кукурузу будем выращивать, студентов обучать. И вот вас, знающего человека, приглашаем возглавить это дело. Работать будете и учиться. Квартира дадим... Ну как, согласны? — И он протянул Ачли руку, собираясь пожать его с уважением.

Ачли в знак благодарности прижал к груди правую руку и не мог сказать ни слова.

— Ну, вот и договорились. Поздравляю! — улыбнулся директор. — А теперь показайте домик, привезите семью...

...С умопомрачением в руках Ачли торопливо шагал по самаркандским улицам. Был вечер. Мимо Ачли текла нескончаемая толпа. Но Ачли ничего не видел и не слышал. «Привезите семью, привезите семью!» — звенело в памяти. Он был готов запеть от радости. Но не успел. И поступил иначе: взял с собой...

«Сейчас мы пойдешь к директору и скажете: «Вы хороший человек, товарищ директор. Большое спасибо за доверие. Но как же я могу теперь уехать? Земля! Я не могу ее бросить...»

Ачли свернул на одну улицу, другую и остановился у входа в институт. Подумал и потом решительно вошел в дверь.

Ноткоз имени Сталина, Шафраникского района, Бухарской области.

Фото Динм ХОДИМОВА.

ДА-А ЭТО ЗАДАЧА НЕ ИЗ ПРОСТЫХ. НО БРИГАДИР РЕШИЛ И ЕЕ РЕШИЛ И ПОМОГЕТ СВОЕМУ ДРУГУ ЛАТИФУ РАДИКОВУ КОТОРЫЙ ГОТОВИТСЯ ПОСТУПИТЬ В СРЕДНЕАЗИЙСКИЙ ПОЛИТЕХНИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ.

Наутро Ачли сообщили, что 35 гектаров остается за его бригадой.

А произошло несколько дней, и в колхозе открылся клуб, в нем — библиотека, раз в неделю стала показывать фильмы. На пустыре в поселке арюкатыли бульдозеры, планируя участок под здание новой электростанции. А потом под руководством главного агронома колхоза Вали Набиева начали работать курсы по изучению техники квадратно-гнездового сева.

Прошло еще несколько дней, и тот же Вали наведется в бригаду Муминова. Долго, придирчиво осматривал участок, который бригада готовила к севу, потом звал Ачли под руку и отвел в сторону.

— Теперь, друг, вы у всех на виду. Значит, и результаты должны быть отменными. Скажем, должны собрать по тысяче центнеров с гектара. Иначе выскочками прослытите...

— По тысяче?! Да это же...

Встретились в аэропорту Пловдива. Встретились так и в той стране...

Всего пять дней пробыл Юрий Алексеевич Гагарин в гостях у наших братьев Болгар, София и Пловдив, Варна и Плевен, Казанлык и деревня Шипка — всюду его встречали как отважного сына советского народа. Выражая благодарность и восхищение его подвигом, Болгария от всего сердца приветствовала нашу Родину и Коммунистическую партию Советского Союза, воспитавших Героя Космоса.

В посольстве Ю. А. Гагарина по Болгарии сопровождал журналист Павел Барашев. Сегодня мы публикуем его фоторепортаж.

Встретились в аэропорту Пловдива. Встретились так и в той стране...
 «Там, где Гагарин...»
 «Там, где Гагарин...»
 «Там, где Гагарин...»

Ждут... Здесь должен проехать Гагарин.

В самолете Юрий Алексеевич написал приветствие «Авангарду» — газете французских комсомольцев.

ГЕРОЮ КОСМОСА ВСЮДУ РАДЫ

В парке под Пловдивом Юрий Гагарин и посол СССР в Болгарии Г. А. Денисов посадили кедр — дерево дружбы.

Венок из роз, подаренный Герою Космоса, оставлен на Шипке...

1946
MAY
15

THE
MAY
15
1946

ГЛОБУС

Выходит
один раз в месяц
№ 6 (14)
Год издания 2-й

МЕЖДУНАРОДНАЯ ГАЗЕТА «СМЕНЫ»

ЮНОСТЬ МИРА О ФОРУМЕ

СЕТ АТАНО
Студент.
Республика Гаити.

Приветственную Всемирный форум молодежи в Москве, работа и плодотворных дискуссий, которые будут проходить под лозунгом укрепления мира, борьбы за разоружение, борьбы против империализма и фашизма. Пусть крепнет дружба молодежи всех стран!

МАССИМО БАДИЛИНИ
Студент.
Италия.

Я приветствую молодежь всех стран, которая собирается в Москве на форум, чтобы обсудить проблемы мира, разоружения и дружбы. Как форум молодежи хочу, чтобы достигшая зрелости служила делу мира и прогресса всего человечества.

АНТониО КАРСЕДО
Председатель Ассоциации повстанцев Кубы.

Форум молодежи был, пожалуй, вклавшим в дело молодежи в сотрудничество молодежи всех континентов, в дело борьбы молодежи за свои права за свободу и независимость, за мир, за прогресс, за культуру, за мир во всем мире.

НЕЛЬСОН ВАНУЦИ
Вышепрошедший Национального союза студентов Бразилии.

Бразильские молодежь хотят, чтобы в Москве состоялся форум молодежи, ставшая дружбой, мирному сотрудничеству и взаимопониманию между всеми странами, чтобы форум служил миру и прогрессу человечества.

СУМАРЕ ГУИНИСС
Представитель организации Гвинейской Республики (ГРД).

Мы уверены, что форум будет иметь большой успех у молодежи мира. Идея Форума — это идея мира, дружбы и мирного сотрудничества. Они особенно близки современной молодежи всех стран.

МОХАММАД РИДВАН
Студент Республики Индонезия

Мы приятно сознавать, что я также участвую во Всемирном форуме молодежи. Мы будем обсуждать там проблемы мира, разоружения и братства молодежи. Мы приветствуем гражданскую солидарность Индонезии, которая поддерживает во всех странах мира борьбу за свободу и прогресс. Мы будем бороться за полное освобождение нашей страны.

ЧТО ВЫ ДУМАЕТЕ О СВОЕМ ПОКОЛЕНИИ И ЕГО ПРОБЛЕМАХ?

Дорогой друг! 25 июля в Москве открывается Всемирный форум молодежи. Он является стартовой точкой для молодежи из различных краев в области жизни и деятельности молодого поколения нашей страны. В связи с этим событием ряд советских изданий — «Комсомольская правда», «Литературная газета», журналы «Смена», «Юность» и «Взгляд» — обращается к молодежи разных стран с анкетой. Такой анкетой вы можете поделиться с нами, и мы передадим ее участникам форума. В ответ на анкету мы приславим вам жемчужины мировой литературы и искусства, а также материалы, которые помогут вам лучше узнать друг друга. Мы надеемся, что анкетные ответы будут интересны не только авторам, но и читателям. Поэтому мы предлагаем вам эту анкету, просим вас ответить на поставленные вопросы и направить ее по адресу:

1. Какое по вашему мнению, наиболее важное изобретение человека повлияло на жизнь молодежи мира во всемирной истории?
2. Какие из великих людей мира вы считаете самыми интересными? Назовите их имена, даты рождения, смерти, деятельности, достижения.
3. Назовите авторов, писателей, поэтов, художников, музыкантов, ученых, политиков, общественных деятелей, философов, которые вы считаете наиболее интересными.
4. Как вы относитесь к теме разоружения? Как вы относитесь к теме сотрудничества и дружбы между народами?
5. Какое ваше мнение о молодежи нашей страны и о ее деятельности, о ее роли в развитии культуры, науки, искусства, спорта, литературы, искусства, скелета и др.?
6. Что, по вашему мнению, больше всего странно в жизни молодежи? Какие проблемы вы считаете наиболее актуальными? Почему?
7. Есть ли у вас друзья в других странах? Как вы с ними общаетесь?
8. В чем состоит ваша мечта и как вы собираетесь ее достигнуть?
9. Уверены ли вы, что достигнете своей цели?
10. Словом вы желаете себе образования? Где вы хотите учиться? Хотели бы вы учиться в какой-либо из стран, в городе или в деревне?
11. Ваши политические симпатии?
12. Где вы живете — в какой стране, в каком городе или в деревне?

Ждем ваших писем по адресу: Москва, Всемирная анкета молодежи, «Смена» «Юность» «Взгляд» «Комсомольская правда» «Литературная газета» «Взгляд».

ДАРМА КИРИТИ
Президент Ассоциации школьников Индонезии в СССР, студент в Индонезии, директор лагеря имени Плеханова в Индонезии.

ЗНАЮТ ЛИ ВЫ, ЧТО...

Я воздвигаю берег

ДВА ДОМА

Есть у меня два дома —
Под солнцем и под ветром.
Мой первый дом,
как дagma,
Сомненным не подвержен,
Здесь знаю я
все запахи,
Мне каждый звук знаком.
Послушны мне
все запонки
Отмчивых звоночков.
Второй — как стертый прочерз
В важнейшей из анкет.
Выходит он
на площадь,
Которой еще нет.
Он над ташежной кручей,
Над бешеной водой,
Он мною
не приручен,
Он завоеван мной.
Мне старый — рабски верен,
А новый —
мне не раб.
Мне старый дом,
как берег,
Мне новый дом —
корабль.
О ставные оконы
Пропалого гудка,
И за стеклом оконым
Печальная рука!
Я — Магеллан,
Я — Беринг,
Я свой ишу пролежень,
Я воздвигаю
берег
Для сыновей
моих.

И солнце рванется следом,
Чтоб в стеклах литых сверкнуть...
И завтра уеду.
И очень не скоро вернусь.
Довольно мне коммат
И парков, где можно гулять.
Должна же я вспомнить,
Как ночью машины гудят.
Там жаром дышат компы,
Как хлебный каравай.
На ток приходят кони
Пшеницу воровать.
И жатки там стрекочут,
И ночь полна забот.
И утро, словно коммат,
Взлетает на забор.
А через неделю, две ли
Я даль оттолкну плечом.
И наши смиренные двери
Пощекоту кажут.
И твое любимое блюдо
Тебе на обед подам.
Но я еще буду,
И еще тебе буду там,
Там, бражку, умывальник
Водою тушишь сон.
У тракториста Вали
Сердитое лицо.
Бросает Валя снова,
Как в стесну нозе.
Уходит Валя снова
На косовицу в ночь.
И не угрожаю бунтом,
Никого не хочу стыдить.
Но я еще долгу буду
Дышать малот страдям,
Мерить его все беды,
Удачи свои и споры.
И завтра уеду.
Вернусь я очень не скоро.

ОБЛЕПИХА

Тайга ревела. Огрызались пилы.
Рождался эхо в громе аммонала.
А я кричала: —
Надо же, облепиха —
Она и вправду пахнет анаисом!
Бунтарский край, поспоривший с веками,
Как трудно мы друг к другу привыкли.
Я — к холодам и городам плечистым
С купеческой повадкой главных улиц.
А ты — к моим восторгам беспричинным,
К стихам моим и брокам моим узким.
Но было так: на дальнем расстоянии...
Но было так: в вечернем ресторане,
Где мальчишки, смалые и важные,
Никто не доверт в широкоробких ваюачках,
Вдруг стало слышно:
Дождей, осыпавших снег и осыпав,
Мерцают звезды в черных лапах пихты...
И больно-больно пахли анаисом
Сибирской, ржый, кислой облепихой.

КОЛОДЕЦ

Луч солнечный
в любую щельку лется.
Пыль на листе. Шелест тяжелый лет.
И липь на стенах нашего колода
Молодой белизной сверкает лед.
Дел, наш колодец все не верит в лето,
Все холоден его замшелый бок.

Но стоит ли вынуть его за это?
Он попросту глубок.
Он именно такой
полезен людям.
Он с равнодушных смеет сонный гнет,
Пылающие головы остудит
И разум опьяненному вернет.

КАЛЕНДАРЬ ГЕРОИЗМА

Взрыв в районе «Солнца»

Джуриный принял телефонограмму поздно вечером. В ней говорилось, что в городе Гелендики в районе санатория «Солнца» обнаружены незаворазившие авиационные бомбы. Они лежали здесь со времен войны.

Командир, прочитав телефонограмму, распорядился в Гелендики выехать лейтенанту Ильину и солдату Новицкому Шуру и Науму.

На городской окраине воинскую машину встретили солдаты милиции. Указали дорогу к санаторию. Там солдаты увидели авиационных людей, некоторые из отделившихся угляновывали вещи.

Лейтенант Ильин подошел к первой бомбе. Весом в три пятнадцать килограммов, она лежала метрах в сорота от главного санаторного корпуса. Бомба упала у самого берегового обрыва, уйдя в землю на полтора метра. Со временем берег опол, обсыпался, и вот в один из дождливых дней онабины. лись стабилизатор и часть корпуса бомбы.

...Ильин посетил офицером и сразу же определил: дело опасное и серьезное. В бомбу вмонтированы взрывчатые вещества — выворачивать их нельзя. Сдвинуть с места, поворачивать бомбу тоже невозможно.

Лейтенант приказал родному Шуру остаться у бомбы, а сам с солдатами Новицким и Наумом пошел к другой. Она поразила лейтенанта своими размерами. Килограммов пятисот! Но в ней были простые взрывчатые вещества, можно вывернуть, а болванку вывезти и взорвать. С такой мисью поспоривать. А как быть с первой? Дождь, осыпав берег, может вызвать новый оползень или обвал. Бомба сдвинется с места, и тогда...

Ильин снова внимательно осмотрел бомбу. Нет, работу можно лучше не начинать: необходимо в темноте.

До утра прождала он в одной из комнат главного корпуса санатория, принимаясь, взвешивая, с карандашом в руках рассчитывал, как обезвредить бомбу и не причинить ущерба зданию.

К утру план созрел. Дерзким он был по своему замыслу. Лейтенант решил взорвать бомбу на месте. А чтобы взрыв не причинил ущерба, офицер приказал в береговом обрыве, в метре ниже бомбы, рить нишу.

Но как же перенести туда смертоносный груз, когда от малейшего неосторожного движения мог последовать взрыв? Да, это был риск. Но ведь иного выхода не было.

...Настало утро. Пасмурное и такое же дождливое, кан и прошедшая ночь. Ильин и Шуру ушли, лопатами, ножами выкопали просторную нишу. Предстояло самое опасное. Но лейтенант решил подождать: утро надо было успокоить нервы, дать отдохнуть солдатам.

Второй день население города ждало один: как там на берегу. Вечером там с неподдельным любопытством и его солдаты. Ранним утром динтор местного радиоузла передал предупреждение: в одиннадцатый час будет взрыв: ...Особожденная от земли бомба ударилаась ввереними на всу, точно в таком положении, в канюм находилась примка. Теперь надо было, медленно освобождаясь и выходя, опустить бомбу, направлять ее головной частью в нишу. Восточная дименция салороба Санитметр зарод солдатором опускаются вверени и закрепленный на них груз. Послушно поворачивается бомба головной и нише и всем телом ложится на землю.

Опасность миновала. Пусть теперь взрывается бомба, она принята от города береговым обрывом и вреда не причинит.

Прислушавшись к «поведению» бомбы, Новицки и Науму подошли взрывчатку. Ильин и Шуру спускаются в нишу, кладут взрывчатку на металлическое тело...

В одиннадцатый час взрыв. Санитметр зарод солдатором опускаются вверени и закрепленный на них груз. Послушно поворачивается бомба головной и нише и всем телом ложится на землю.

Опасность миновала. Пусть теперь взрывается бомба, она принята от города береговым обрывом и вреда не причинит.

А. СЛОБОДИН,
майор

НЕОБЫЧНОВЕННЫЙ ТЕАТР

«...и вновь»

В ДЕНЬ ОТКРЫТИЯ ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНОГО СТУДЕНЧЕСКОГО ТЕАТРА ПРОРЕКТОР МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА К. И. ИВАНОВ ВРУЧИЛ ОДНОМУ ИЗ ВЕДУЩИХ ПРОГРАММУ ВЕЧЕРА — СУДСКОМУ СТУДЕНТУ МОНЗМУ — ГЛОБУС, СИМВОЛ НОВОГО ТЕАТРА.

Иван

МЕНДЖЕРИЦКИЙ

Актовый зал Московского университета. Торжественное открытие первого в мире Интернационального студенческого театра.

В зале гаснет свет. Оркестр играет вступление. На сцену выходит два фанфариста в старинных театральных костюмах. Звучат фанфары. Медленно раздвигается занавес.

С правой стороны сцены на голубом полотнище три обвившиеся фигуры: белый, желтый, черный юноши. Слева — три огромных цветка, которые распускаются на глазах у зрителей, лепестки раздвигаются, и мы видим буквы — СИТ — Интернациональный студенческий театр. В середине сцены на фоне земного шара — трехцветная театральная маска — это эмблема театра.

Разноцветные прожекторы ярко освещают авансцену, на которой появляются студенты Мау из Вьетнама, Марина Туликова из Советского Союза и негр Монзм из Судана.

— Приветствую вас, дорогие друзья! — звучит его голос. — Сегодня, сейчас, в этом актовом зале мы открываем театр народов. Деяиз нашего театра — «Мир! Дружба! Искусство!». Мы трое ведущих. Мы символ братства наций и рас!

1 200 студентов из 32 стран мира проходит яркой, красочной лентой по сцене, приветствуя зрителей.

Так родился новый молодежный театр!

Мысль о создании его возникла несколько месяцев назад. И возникла она не случайно. Ведь в Московском государственном университете, в Университете дружбы народов имени Патриса Лумумбы, в различных институтах и техникумах столицы учатся сотни иностранных студентов, и аспирантов — посланцев различных стран. Многие из них принимали участие в студенческих концертах, стремились познакомиться советских людей со своим национальным искусством.

И вот создан театр, призванный объединить эти разрозненные выступления в целое представление. Им руководит режиссер Михаил Маршан. В день премьеры москвичи познакомилась с песнями Импала, страны, где еще нет своего национального театра, с темпераментными плясками чехов и поэтическими танцами Индонезии, Зри-

ГОРЯЧО ПРИВЕТСТВОВАЛИ
ЗРИТЕЛИ ФИДЕЛЯ МАСАМБА,
КОТОРЫЙ ИСПОЛНИЛ НАЦИОНАЛЬНЫЕ ПЕСНИ КОНГО.

СТУДЕНТЫ-СЛОВАКИ ПОЗНАКОМИЛИ ЗРИТЕЛЕЙ С ТАНЦЕМ, КОТОРЫЙ ОНИ ИСПОЛНИЛИ В СОПРОВОЖДЕНИИ МУЗЫ. ВАЛЬБОР КАПЕЛЛЫ.

Фото А. ЖИГАНЛОВА
и Е. ЛЕОНТЬЕВА.

↑ ПОПУЛЯРНУЮ ПЕСЕНКУ «МАРИНА» ИСПОЛНИЛИ СТУДЕНТЫ ИЗ ИТАЛИИ.

↑ ИНДИЙСКАЯ МЕЛОДИЯ НА БАРАВАНЕ — «ЗАКЛИНАТЕЛЬ ЗМЕЙ» — ПРОВЗУЧАЛА В ИСПОЛНЕНИИ ПУШКИЛАЛА.

телей плевли экзотические национальные костюмы студентов из Гавай, взволновали песни о любви и родине «Мой Вьетнам» и страстные мелодии Конго.

— На сцене грим Целалидес. Он очень волнуется: надо же случиться, чтобы как раз сегодня, в день премьеры, заболел его анимопланитор. А у греческих песен очень своеобразная мелодия и ритм. И не каждый, так сказать, с ходу сможет анимопланировать певцу. Но Целалидеса выручила советская пианистка Гали Кузнецова. Зрители очень понравилось выступление Целалидеса.

Было уже около 12 часов ночи, когда вышли на сцену итальянские студенты. И, несмотря на поздний час, выступление итальянского квартета было встречено танниии овациями, что волея-новеллы им пришлось петь и петь.

Атмосфера в зале была в этот день радостная и теплая. И девиз театра — «Мир! Дружба! Искусство!» — воплотился в жизнь на первом же представлении.

↑ ШУТОЧНЫЕ ТАНЦЫ «МЕДВЕЖКА» В ЭТОМ РАССКАЗЕ О ТОРНЫХ ПАСТУХАХ ПРОДЕМОНСТРИРОВАЛИ СВОЕ ИСКУССТВО ЧЕШСКИЕ СТУДЕНТЫ.

ОБРЯДОВЫЙ ТАНЕЦ ОСТРОВА ВАЛИ В ИСПОЛНЕНИИ ИНДОНЕЗИЙСКИХ СТУДЕНТОВ.

ГВЕНЕЯНСКИЕ СТУДЕНТЫ ПОДГОТОВИЛИ К ПРЕМЬЕРЕ ИНСЦЕНИРОВКУ — «ЗАКЛЯТИЕ РАВСТВУ».

Открыть ЦЕЛ

МЫ ЕДЕМ!

Нам не слишком много лет отведено на жизнь, и потому хочется прожить их честно и ярко, то есть так, чтобы чувствовать себя нужными людям.

Верь нам уже двадцать один год — уже, а не еще, — а что мы сделали? Ничего. Честно говоря, мы очень задолжали людям и теперь готовы сглатить все, что они от нас потребуют. Сейчас требуется ехать на целину — мы едем. Иного решения быть не может.

Но ни в коем случае мы не ставим это себе в заслугу — наоборот, мы даже презираем себя за колонию, которая нас какое-то время мучила. И ни в коем случае это не жертва с нашей стороны — мы едем потому, что нам это выгодно.

— Мы хотим полной жизни — так где, как не там, жизнь переполнена энергией стройки!

— Мы хотим честной жизни — что же может быть честнее, чем нести искусство труженникам земли?

— Мы хотим работать и быть нужными — так где, как не там, работы непочатый край и огромная нужда в нас!

— Мы хотим, это разумный эгоизм.

В городах — сотни театров, кино, Дворцов культуры, концертных залов, и рядом с этим — недостаток актеров, музыкантов, врачей на целине, в Сибири, на Дальнем Востоке. Вот почему туда надо ехать.

И потом — вдумайтесь! — раньше людям не хватало хлеба, тканей, потом — автомашин, холодильников, но когда людям не хватает искусства — это здорово! Но это же накладывает на нас, работников искусства, огромную ответственность. Мы едем не в глухие места к серым людям — нас ждут обжитые, распаханные и засаженные землей и людьми, которые не потеряют халтуры, которые хотят смотреть большое искусство, не уступающее столичному.

Одно утешает нас. Из всего амплуа театральных училищ этого года едут в Целинный край пока несколько человек. Значит, в среде театральной молодежи очень много обывателей — обывателей красивых, знающих и знающих Шекспира и Пушкина, умеющих процитировать Гомера или Софокла, — но все-таки остающихся обывателями. А как же тогда с той фразой, которую они произносили на экзамене по эстетике, — «люди искусства — слуги народа»? Большеинству из тех, кто окончил театральные вузы, как нам кажется, не хватает им решимости, или понимания доли человека на земле, особенно на нашей, на советской.

Дорогие целинники, мы будем стараться изо всех сил, мы не убежим от трудностей и не позволим себе халтуры! Вы заслуживаете самой большой любви и самого самоотверженного труда от нас. Мы едем!

О. АФАНАСЬЕВ, Г. ГОЛУБЕЦКИЙ,
выпускники Московского театрального училища
имени М. С. Щепкина

ХУДОЖНИК! Твоей горой — на целине

С. КОНОЕНКО,
народный художник СССР,
лауреат Ленинской премии

Целина — наша замечательная новь. И подвиг чудо-богатырей, героев-комсомольцев, заставивших землю давать невиданные урожаи, должен быть увековечен. Слово за искусством.

Лев Толстой когда-то говорил о скульптурах: «Они наставили по всей Европе памятники, хвalebные монументы людям, которые были недостойны и человечеству вредны. Все эти полководцы, военачальники, правители только одно зло далаи народу, а скульпторы их воспевали как богатоделей». Нашим советским скульпторам и художникам не приходится «являться своим героям». Подвиги покорителей космоса и целины, подвиги строителей коммунизма настолько высоки и значительны, что требуют от художников огромных сил и

любви, чтобы достойно запечатлеть величие сердца человеческого.

Целина — это целый мир, новый, растущий. Молодые художники, скульпторы, архитекторы, актеры и музыканты должны открыть эту страну, еще мало известную искусств!

Я родился в Каракаичах под Ельней. Там и вырос. Любил зимними вечерами слушать грустные и веселые русские песни. Удаюсь мне повздать на своем веку много талантливых людей из народа. Часто и подолгу я с ними говорил и вбирал в себя все: какими они видят мир, как ходят, как смеются, какие сказки сказывают. И вот с годими трудя черты дорогих мне людей ожили в скульптурах. Лесная смоленская сторона подсказала, в чем заключена бесценная душа моих любимцев.

Тепло, задумчивость, сказочную таинственность, ласковость — вот что мне хотелось показать в моих скромных деревянных музеев.

Вспоминание из очень дальних лет здесь для того, что вы, молодежь, знали: с людьми следует сниться, а потом, глядящи, и сказать будет что.

Открыть целину для искусства — какая замечательная мечта!

Он существует, прекрасный и молодой мир. Его присутствие увидеть острым глазом художника, выносить в себе и показывать людям в дневных картинах, прелепных изваяниях.

И это обязательно должно свершиться, как свершилось открытие Суриковым живой истории России, как свершилось открытие Савра-

ВАС ЖДУТ НАРОДНЫЕ ТАЛАНТЫ

Много в наших сибирских селах ребят и девчат, жадных до книги, до песни, по-настоящему одаренных, очень неравнодушных к подлинному народному искусству. Им нужны хорошие руководители.

Нас часто поражают мастерство городских самодеятельных коллективов. Ничего удивительного в этом нет: ведь в городской молодежи работают актеры и режиссеры, балетмейстеры и хореографы городских театров, а сельская самодеятельность все еще ждет своих руководителей.

Несколько месяцев назад я пришел в Новосибирский Дом народного творчества и попросил, чтобы меня направил на постоянную работу на село. Скажу откровенно, не сразу поверили в серьезность моего намерения: с чего бы, мол, молодому артисту театра музыкальной комедии ехать на село? Но работать там я решил твердо.

Моя спенческая деятельность началась много лет назад в клубе при Доме культуры железнодорожников. Потом работала и училась, стал профессиональным артистом, накопила определенные знания, опыт. Молодые живут людей, которых моего знания и опыт наверняка намного нужнее, чем новосибирским зрителям. Захотелось быть там, где можно принести большую пользу людям.

Совсем безмысленной красоты русской природы, как свершилось поэтическое откровение в пейзаже Левитана, как свершилось еще немало подвигов в искусстве.

Надо дерзать! Без новаторства нет искусства. Но всякого рода флюксники далеки от истинного пути. Надо помнить, что подлинный художник-творец идет вперед, а не цепляется за то, что найдено другим.

С той же отвагой и мужеством, какой обладали первооткрыватели целины, мы, художники, должны поднимать целину в искусстве, переосмысливать глубины нашей жизни. Целинники. Герои нашей жизни, наших будущих творений. Какой он Самоотверженный, мужественный, гордый. Ни под каким видом не должны поселиться среди целинников ложь, грубость, жадность, себялюбие, фальшь, эгоизм.

А как нам, людям искусства, помочь этому человеку быть еще лучше, выше, нести свои знания, свое искусство народу!

Искусство — первый друг человека. Только постоянное расширение круга своих интересов, стремление к познанию многовековой культуры обнищает и возмужает человека.

Как важно сейчас добиваться гармонического развития личности наших юношей и деву-

И вот я в Ордынке, в районном центре. Тут надо было начинать работу. У ордынских танцовров представления о хореографическом искусстве были очень своеобразными. Бойск, задорная чечетка считались верхом мастерства. Учиться «классике» никто не хотел. «Лед тронулся» только через полмесяца: в кружок записались первые шесть человек.

Но Ордынка — районный центр. А в клубе колхозов и совхозов по-прежнему во главе стоят руководители. Два-три везет райком, да и те не специалисты, а просто энтузиасты, которым нужно самому учиться.

К сожалению, в наших районах еще много Домов культуры, которыми руководит в общем-то случайный в искусстве люди. Можно ли это оправдать, если в городах много творческой молодежи со сплавляемым художественным образованием, которой там в ряде случаев почти ничего делать!

Я обратился к вам, выпускники музыкальных, танцевальных, художественных вузов. Приезжайте в Сибирь! Вас ждут народные таланты. В наших сибирских селах непочатый край работы — работы творческой, живой, такой, что дух захватывает.

Анатолий ГОЛИКОВ,
руководитель Ордынского Дома культуры
Новосибирская область.

шек! Но в условиях отдаленности от культурных центров нам надо помогать. Одним добрым словом мало. Челябинград, хлебная столица СССР, должен иметь богатый художественный музей. Пусть ему помогут своими вкладками художественные фонды, старейшие наши музеи, коллекционеры, художники. Музей на целине должен быть — по-молодому активным. Передвижная экспозиция, лекции в совхозах, приглашение рабочих коллективов в школы, студии — все для рабочего человека. Сделать это смогут самоотверженные энтузиасты музейной работы — энтузиасты добрых, экономических домов. И в этом увлекательном новизна нашего времени. Но в борьбе с архитектурными излишествами не слишком ли часто мы отказываемся от красоты? Не стоит ли нам еще раз поразмыслить над тем, как научиться строить и дешево и красиво? Все должно разовьт и возвышать человека: а вид дома, в котором он живет, и панорама родного поселка или города, которому стоит вена.

И обратился к выпускникам наших вузов — художникам и музыкантам, скульпторам и артистам: поезжайте на целинные земли! Нет высшей задачи, чем обогащение духовного

ЗДЕСЬ МНОГО ЛЮБИТЕЛЕЙ МУЗЫКИ

Московская консерватория,
декану оркестрового факультета

ГРИГОРЯН А. Г.

Здравствуйте, уважаемый Асатур Григорьевич! Большой привет всем моим московским друзьям из Дальнего Востока.

Хабаровск — чудный город, я уже в него влюбился. Здесь много солнца, не было еще ни одного пасмурного дня.

Встретил меня очень гостеприимно. Возможность заниматься музыкой. Люди здесь чудесные, приняли меня, как родного.

Я записался в оркестр филармонии помощником концертмейстера с окладом 130 рублей. Концертмейстер — очень приличный скрипач и очень хороший парень. В оркестре работа интересная. Было бы совсем здорово, если бы сюда побольше хороших музыкантов. Здесь очень нужны квалифицированные скрипачи, альтисты, виолончелисты, артисты.

Играли с оркестром уже два концерта.

На обоих концертах зал был переполнен, все проходило забито.

Здесь действительно много любителей серьезной музыки.

Самым тяжелым моим испытанием была вечерняя передача по телевизору. Здесь есть традиция — все молодые музыканты должны быть представлены всему Хабаровску по телевизору в передаче «Взбуйте знакомых».

Я, конечно, здорово волновался. Ведь мне предстояло не только играть, но и рассказывать зрителям о себе, о нашей консерватории, о своих личных впечатлениях в Хабаровске.

Как видите сами, работы здесь непочатый край. Так что передайте моим друзьям: пусть не боятся Дальнего Востока. Работа здесь хорошая и очень интересная. А отношение — это дружба. Я сюда готов работать равно за одиннадцатый час.

Очень хочется, чтобы ребята меня поняли правильно. Здесь очень нужны хорошие музыканты. И буквально всем найдется работа по душе. В общем очень доволен, что я здесь.

Всем желаю успехов в работе, пусть радостным распределением слагаемых не пожалует. Я приеду — это больше расскажу.

Желаю Вам всего хорошего, желаю Вам здоровья, счастья. Жму Вашу руку.

Г. ИВАНОВ,
выпускник Московской государственной консерватории имени П. И. Чайковского

дух человека. Какая добрая почва ждет вас, светила культуры! Почетно и благородно жить не только для себя, но все силы своего растущего сердца, всю страсть свою отдавать людям. Одно горящее сердце способно жаром своим согреть всю землю.

Вашими усилиями поднимутся на целинную землю десятки и сотни самодеятельных художников. И кто знает, не они ли принесут новую славу советскому искусству? Я пристально наблюдаю за успехами самодеятельности. Все, что вступил на нелегкий путь искусства, прошло через «самодетельность». Самодеятельность — это значит сам творю, сам, по требованию своей души, после трудовых часов беру за ре�ец и кисть. Самодеятельность — любовь и привязанность к творчеству. А что может быть благороднее! Вот почему искусство народных талантов так само, задумчиво и неспростредственно.

Духовные богатства накапливаются постепенно. Пища духовная, человеку раз ее отдавашему, необходимо посевдешено и во все возрастающее доши.

Нашему искусству, подвижникам его предост больше, нелегкая работа. В добрый путь, лахари и светила разумного, доброго, вечного! Верю в вас грядущий успех, верю в прекрешное будущее целины.

Кино на высоте семи тысяч метров

...Маленькие, шустрые человечки стремительно атакуют ворота сопки-ков. А мы, расположившись в удобных креслах, весело смеялись, следя за тем, что происходит на экране. Едва он потух, радиорепродуктор сообщил: «Высота семь тысяч метров. За бортом — борн десять градусов мороза».

Все это происходило в салоне воздушного лайнера «АН-10». В тот момент там поддерживалась «земная» давление и комнатная температура — плюс 20 градусов.

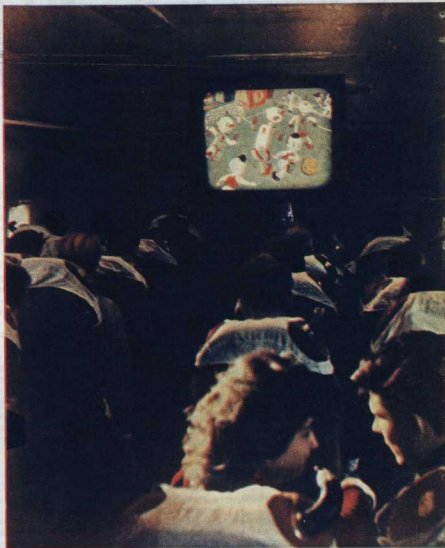
«АН-10» прочно вошел в повседневную жизнь Аэррофлота. Скорю на воздушных трассах страны появились его младший брат — сорочинский «АН-24». Успешно проходит испытания и еще одна машина конструкции О. И. Антонова — «АН-14». На рулеж этого самолета нарисованы соты и пчелы. Это потому, что самолет назван «Пчелка». Имя это ему дано за то, что «АН-14» сконструирован и построен как самоходный. Малейшая машина способна перевозить семь человек или 600 килограммов багажа. Но что самое поразительно — ей не нужны аэродромы. Для вылета и посадки «Пчелка» достаточно нулево до-рота, отсюда, край позимия длиной меньше 50 метров.

Продет немного времени. Выдут на работу в голубом океане «АН-24» и «АН-14». Будет нести службу и стоместный «АН-10». Тогда, покупая билет на эту машину, вы будете рады слышать следующую информацию:

«На «АН-10», отправляющемся из Киева в Москву и 10 часов, демонстрируется фильм-концерт».

«На «АН-10», отправляющемся из Киева в Москву в 13 часов, демонстрируются мультипликационные фильмы».

Фото И. МАРИНА.

Име руки Живет леmur

При нашей первой встрече лемур прыгнул со шкафа, вскарабкался на меня и, обхватив мой указательный палец, сидел его в своей мотке, с длинными пальцами ладошке.

Правда, рукопожатие было не очень сильным: передние лапки лемура слабые. Зато благодаря мощным задним ногам и хвосту-рулю он, пожалуй, самый быстрый и ловкий зверек на земле.

Дневные лемуры, относящиеся к древней группе полуобезьян, сохранились теперь лишь в жарких тропических лесах островов Индийского океана. В Москве, даже в зоопарке, их никогда не было, и вдруг лемур в обиход московской квартиры...

Радиого зверья год назад привезла сюда с острова Носи-Бе, близ Мадагаскара, участница 31-го рейса научно-исследовательского судна «Витязь», старшая лаборант Института биогеографии Академии наук СССР Ирина Николаевна Суздальова.

Естественно, у меня возник вопрос: как же поймали лемура, коль он несравним в быстрой и ловкости?

Оказывается, в нору лемуры попадают из-за своей пугливой страсти к... ананасам. Фрукты они ставят под деревьями мохосовые орехи с перебродившим мохосовым молоком. Лемуры прибегают и ореху тут же. Спустя несколько минут, идлявшись и опьянев, они надолго засыпают. Тогда их и подбирают охотники.

Фото Л. ДОРЖИНСКОГО.

МРАМОР ДОБЫВАЕТСЯ НА ЗАВОДЕ

Во Владивостоке скоро начнут строить дома, облицованные мрамором. И хотя в строительстве мрамор считается одним из самых дорогих и дефицитных материалов, на этот раз оказалось возможным использовать его в широких масштабах, не расходуя больших средств.

Весь секрет в том, что для облицовки будет применен искусственный мрамор. Технология его изготовления чрезвычайно проста. Разработали ее сотрудники лаборатории Владивостокского крупнопанельного завода. И белому цементу они добавили в виде присадки... голландскую сажу. Затем, когда состав подсох, полученную массу тщательно отшлифовали и передали строителям.

Там пытливая мысль и умелые руки помогли открыть «авторские» ценные приемы обработки материала, который делает новые жилые дома нарядными и красивыми.

Электронный сталевар

...Летят чуток. Вот он попал в конвертер и через десять минут — найдите минут, продукт снятым из конвертера. В сталеварии бесемерсовский процесс сделал свое дело.

Мастер, ведущий бесемерсовский процесс, по существу, руководит им с помощью осциллографа. Главным образом на личном практическом опыте: готовность металла он определяет по цвету пламени, по искрам и дыму, выходящему из горла конвертера. Конечно, на протяжении жизни секунд, которые решают судьбу металла, человек физически не в состоянии проанализировать весьма большое количество данных о состоянии жидкого металла. Но если оповестить о повороте конвертера всего лишь на 30—40 секунд, угарода выгорит больше, чем нужно. Сталь получится слишком мягкой, замедлится ее марля. Порой вся планка может пойти в брак. А ведь это десятков десятков тонн металла!

На металлургическом заводе имени Дзержинского решили автоматизировать управление бесемерсовским процессом с помощью электронных вычислительных машин. С предложением о сотрудничестве в решении этой задачи завод обратился в вычислительный центр Академии наук Украины. Проведение дисперсионных исследований заинтересовало ученых. Научные сотрудники и инженеры вычислительного центра несколько месяцев провели в бесемерсовском цехе металлургического завода, изучая технологический процесс и пути его автоматизации.

И вот на одном из конвертеров были установлены специальные приборы-датчики, которые непрерывно передавали сведения о количестве воздуха, продуваемого сквозь металл, о температуре жидкого металла, о степени окислительности и спектральном составе пламени. Эти данные позволяли судить о скорости химической реакции, которая протекает в конвертере. В специальном приспособлении сигналы датчиков преобразовывались в цифровой код, «понятный» электронной машине.

Недавно состоялся испытание автоматизированного сталевара. Через каждые десять секунд сигналы датчиков поступали в вычислительную машину «Беркут». Руководствуясь заранее составленной программой, машина анализировала всю информацию и, когда истекала десятая минута от начала плавления, переводила операторов провести поворот конвертера. Выдать команду.

Этим экспериментом, осуществленным впервые в Советском Союзе и в Европе, была доказана принципиальная возможность автоматизировать управление сталепроизводящим бесемерсовским процессом.

В 6 часов утра двадцатидвухлетняя Пенна Найденова — медсестра Института усовершенствования врачей в Софии — была убита током высокого напряжения. Это случилось в результате неосторожности в обращении со стерилизатором, который работал под напряжением 350 вольт.

Когда доктор Дередилян, обсуждавший со своими коллегами план

предстоящей на день работы, узнал о случившемся и приехал на место происшествия, с момента несчастия прошло уже десять минут. Пенна Найденова была мертва. Она лежала на полу. Ни души не в операционную было позвонено.

Медики известны случаи, когда возвращали и жизни людей, у которых останавливалось сердце.

ДЕСЯТЬ МИНУТ СМЕРТИ И... СЛОВА ЖИЗНИ

Но это удавалось лишь на операционном столе, где лежал был врач, который сразу же начинал массивно останавливаться сердце. Однако десять минут — слишком большой срок. До сих пор считалось, что по истечении промежуток времени невозможно вырвать человека из смерти. И все-таки доктор Дередилян рискнул.

Тут же на полу он приступил к операции. Пена несли аппарат искусственного дыхания, хирург вставил резиновую трубку в дыхательное горло девушки и начал ей вдувать воздух из собственных легких.

Когда доставили инструменты, Дередилян вскрикнул гудящую полость пострадавшей и начал массивно вращать сердце. Через десять минут сердечные мышцы начали судорожно сокращаться, но затем сердце вновь замерло. Наконец после массажа, продолжавшегося целый час, сердце заработало.

Уже в условиях операционной Пена Найденова была успешно напоена шир.

Состояние здоровья двадцатидвухлетней болгарской девушки улучшается с каждым днем. В медицинских кругах болгарской столицы не сомневаются, что заморские Пенна Найденова восстановится полностью.

М. ЛОМОСОВ (ЕГО РОЛЬ ИСПОЛНИЕТ АСИРАНТ ИГОРЬ АЛЕКСЕЕВ) ПЕРЕДАЕТ МИКРОФОН ПРИВЕТСТВУЮЩЕМУ СТУДЕНТОВ НИЛЬСУ БОРУ

ТАК НАЧИНАЕТШЕСЬ ШЕСТЬ УЧАСТИКОВ ПРАЗДНИКА...

АРХИМЕД,
СТУДЕНТЫ
И
НИЛЬС БОР

Фото О. НЕЕЛОВА.

Что это? Карнавальное шествие? Или, быть может, мы присутствуем на сьемках исторического фильма? Ни то и ни другое. Так встретили студенты физического факультета МГУ свой весенний праздник — День рождения Архимеда, того самого Архимеда, имя которого хорошо знакомо даже школьникам, — великого математика и механика древней Греции, жившего в III веке до нашей эры.

Что это за праздник? Откуда он? Его придумали студенты-физики. И он уже стал традицией.

Вой весной на чествование Архимеда случайно попал выдающийся ученый Нильс Бор. Своим присутствием он не только порадовал студентов-физиков, расположившихся прямо на Ленинских горах, у памятника Ломоносову, но и обогатил задачу устойчивей праздника. Если в прошлом году роль почетных гостей: Коперника, Галилея, Джордано Бруно, Ломоносова, Бора — исполнил Нильс Бор, то на сей раз знаменитый датский физик принял собственной персоной.

Нильс Бор был в восторге от праздника. Вместе со всеми он тепло аплодировал «космическому полету» Архимеда на персональной ранете с яркой

надписью «Восток», с интересом смотрел комическую оперу «Архимед», а затем, когда хор исполнил песню «Восток» вокруг протона обращается, эта штука в том Бору называемая, вынужден был признаться: «Сегодня я möchte узнать о физике».

И когда через несколько дней ректор Московского университета академик И. Г. Петровский торжественно вручил Нильсу Бору диплом почетного профессора, Нильс Бор сказал подготовлен: «И еще взгляде не видел столько студентов-физиков. И какая у них фантазия, какая любовь к науке!»

Едва ли не в каждом вузе рождаются свои традиции. Студенты, дожившие до них, одно поколение заботливо передает их другому, обогащая и развивая. Об одной из таких традиций мы только что рассказали. А сколько еще, еще общечеловеческих, патристических, рожденных в жизни дни в молодых людях, — исторических, веселых, содержательных, о которых пока еще мало известно и о которых с удовольствием узнавай вы миллионы ошопей и деулетен!

Е. МАКУХИН

НА ПРАЗДНИК АРХИМЕДА ПРИВЕЗЛИ ИСТОРИЧЕСКОЕ ПЛАНЫ ЛАПУНИ С СЛУЖИТЕЛЕМ...

Я за Джаз. И вот почему...

...Летний вечер. Наступает пора отдыха, пора музыки. И все чаще и чаще с ярких афиш на вас смотрит веселое слово «джаз».

Наша молодежь любит джаз. Она любит его легко запоминающиеся мелодии, его стремительные ритмы. Она любит джаз потому, что с ним весело, с ним приходят танцы. А ведь молодость и танцы неразделимы.

Джаз близок молодежи по своему характеру. Впрочем, он и сам еще довольно молод.

Сорок пять лет назад появились фокстроты и чарльстоны. Вместе с ними появились и новые музыкальные ансамбли. Новое было новее не в составах, даже не в подборе инструментов, а в способе и манере исполнения. Новое было в том, что в основу образного интонационно-ритмического строя легли песнопения афроамериканских негров — «спиричуэлсы», рабочие песни плантаций, баллады.

Затем джаз взял на вооружение бразильскую самбу, аргентинское танго, кубинскую румбу. И джазовая музыка, основанная на народных мелодиях, завоевала любовь во всем мире... Миллионы людей в западном и восточном полушариях полюбили джаз за ослепительное разнообразие его ритмов, за его подвижность, словно ругать, танцы.

Бережно сохраняя народную негринскую мелодическую основу, Вильям Хенди создал свои знаменитые и по сей день «Сен-Луи-блюз» и «Мемфис-блюз». Джордж Гершвин обогатил мир новым повитием — «симфонический джаз». А в Советском Союзе Исак Дунаевский, исполству песенную и танцевальную мелодию и ритмику народов нашей страны, создал бабстальные произведения джазовой музыки, которые и сегодня балски и популярны миллионами.

Вот поэтому и и «голосу» за джаз.

Коммерция, политика, музыка

Но у джаза, как, пожалуй, ни у какого другого вида искусства, очень сложная биография: у него светлое, веселое лицо и черная, грязная левка.

Кто виноват в этом? Кто виноват, что джаз, рожденный для того, чтобы нести людям радость, оказался на Западе до «рокков»? Ответ на эти вопросы не очень сложен. Те самые круги, что помышляют о мировой экспансии и господстве, решив принять на вооружение и джаз. Он попал под зигу «ваши имущие». Поступив на услужение к доллару, джаз потерял свои связи с искусством.

В условиях капитализма слово «коммерция» обязательно связано с масштабом и индустрией. Не удивительно, что в Америке появилась и «музыкальная индустрия». Искусство уподобили алкогольному «серну».

«Джазовые коктейли» начали появляться тысячами. Ими стали «сплавлять» американцев, их стали экспортировать в Европу.

Уэллис Коновер, комментатор музыкальных передач «Голоса Америки», писал на страницах одной из американских газет: «Джаз водействует на иностранных слушателей... путем отождествления с Америкой и с тем, что она собой представляет. Его структура парамальма совпала». Его структура парамальма совпала с политической схемой Америки: индивидуальная свобода в рамках группового сотрудничества.

МИЦО

Бор. СЕМЕНОВ

Мы отлично знаем, что означает свобода под зигид «комиссия по расследованию американоамериканской деятельности». Мы знаем, что такое «групповое сотрудничество» в рамках НАТО. Мы знаем, какую «социально-политическую схему» несут американские империалисты в народы Латинской Америки, Африки и Азии.

Музыка, как и любая другая вид искусства, немалыми вше политики, вне идеологии. Прозвище Коновера как нельзя лучше обнажает идеологическую сущность «коммерческого» джаза.

Музыкальные недоросли

Передо мной письмо некоего Игоря Завялова. С гордым достоинством лучшего применения, он сообщает: «Я с увлечением занимаюсь сбором всевозможных «роков» и «кула» без вреда для себя и буду этим заниматься, даже если придется съездить за ними в гостиницу к иностранцу».

В данном случае письмо взволновало меня не столько тем, какими «способами» будет добывать И. Завялов «сегодня» всевозможные «роки», а завтра — старые купальные трусики или штальные носки с этикеткой «Made in USA!» Разговор на эту тему — особый разговор. Но вот о самих «роках» «кулах» об их «бесценности» стоит сейчас поговорить.

Нет сомнения, что автор письма считает себя любителем джаза. Но невидимо ему, что его любимые «роки» имеют к подлинному джазу такое же отношение, как рыночная омеография к настоящей живописи и народному искусству. Ведь сравнение «роков» и «кула», скажем, с «Сен-Луи-блюзом» может, восторг разве что по принципу: «В городе — Буа-на, а в Клеве — дядка».

Безусловно, «роки» — это не джаз! Даже в работах некоторых музыкальных «индустри» джаза — Америки — мы без труда увидим такую мысль: «Рок-и-ролл полуголосует успешно на основании у «тедди» (то есть стиль). Он настолько антиэстетичен, что является позором музыкальной культуры».

Почему же во танцевальных площадках, в клубах, Дворцах культуры мы зачастую слышим вовсе не джаз, а «джазовые коктейли»? Почему рядом с подлинно демократичной джазовой музыкой у нас порой звучат самые дурные образчики «роков»?

Год назад меня позвонили с невысоким, гладко причесанным молодым человеком. У него тихий, спокойный голос. Держится он с достоинством. Зовут его совсем просто — Леонид Перевозов. А он, оказывается, идеологический бог. Моет, не совсем бог, но уж наверняка «божок» московских джазменов.

Вокруг «джазового божка» стали группироваться новички, многие из которых искренне любят музыку и которые искренне верят, что с помощью Леониды они наконец-то узнают, в чем джаз хорош, в чем плох. Уже

МЫЗНАНКА ДЖАЗА

несколько лет Переперев перекашивает им то, что вычитал в американских журнальчиках и книжонках. Он пересказывает бредни о джазе со слов господина Коновера и ему подобных. Развеять только в одном об идеологии джазовой извiances здесь говорится не столь откровенно, как в статьях заокеанских музыкальных комментаторов.

За рецензиром следуют дела. Экзотические двухчасовые радиопосылки «Голоса Америки», те самые послышки, которые «воздействуют на иностранных слушателей... путем отождествения с Америкой», заканчиваются на магнитофонные ленты. Спустя несколько дней музыкальные оруженосцы Переперева в «кадетицкой гора» «дуют» на институтских вечерах и в клубах очередные «новинки».

Нерешенные ПРОБЛЕМЫ ИЛИ «ЧТО ЗА ЗВЕРЬ СИНКОПА?»

Конечно, беда не в Переперева. Беда в том, что наибольшим и сложным проблемам джаза не уделяют внимания ни Союз композиторов СССР, ни кино, ни радио, ни музыкальные издательства.

В Союзе композиторов легкая и джазовая музыка именуется массовыми жанрами. Это справедливо. Кому же, как не им, максимальное внимание, помощь, забота!

Но... Но дальше разговор о необходимости заняться решением джазовых проблем в Союзе композиторов не идет. Вот справка: за несколько лет интересные песни для джаза создали лишь Афанасьев, Бабаджанян, Калжалец, Минх, Эшпай, Цифрин, Окснер, Найтосо, Урисалу и Цифраши. Десятк человек. Да ведь это ледяя в «композиторском море»! Успехи в создании музыки академических форм заслонили в Союзе композиторов «меланхолические» проблемы джаза. А «меланхолические» проблемы лишают эстетического наследия миллионы (!) людей.

Однажды мы вместе с композиторами и музыкантами собрались в редакции, чтобы обсудить наиболее актуальные проблемы легкой и джазовой музыки.

Мы искали ответы на многие «почему», касающиеся неблагоприятия на джазовом «фронте». И вдруг Александр Цифраши сказал: «А кто знает, что за зверь — синкопа? Разве многие ответят, что синкопа — несложнейший музыкальный акцент, присущий джазовой музыке? Да что там синкопа! Разве все знают, а чем различия между этюдом и восторгом, до мажором и ре минором? Разве вся наша молодежь получает музыкальное образование? И в шумной комнате редакции вдруг стало удивительно тихо. А затем сразу зашел разговор о главном — о знаниях, об эстетическом воспитании молодежи.

В самом деле, повинна ли наша молодежь в том, что иногда не может отличить хорошую музыку от плохой? Десятки тысяч людей получают у нас в стране музыкальное образование в специальных учебных заведениях, в кружках при клубах, на музыкальных факультетах в университетах культуры. Но за все время учебы ни им ни разу ни единого слова не сказано о джазе. Неужели, кто в нем хорошо, что плохо. Слышная джазовую музыку, молодежь вынуждена палком полагаться на собственный вкус.

В некоторых провинциях джазовую музыку вообще скрывают от молодежи. Союз композиторов. Серьезный вклад могут внести и музыканты-исполнители. Легкая и джазовая музыка — музыка далеко не легковесная, как думают некоторые. Ее исполнение требует такого же профессионального мастерства, как и игра в симфоническом оркестре. Кстати, почти все артисты джаза О. Лунастрема раньше занимали концертмейстерские места в оркестрах музыкальных театров.

Сегодня в джазе плохо с кадрами. Характерный пример: консерватории не готовят саксофонистов. Но оставить джаз без саксофона — все равно, что симфонический оркестр без скрипки!

И еще одна проблема — это играть?

Сколько раз ты, читатель, наверное, хотел купить ноты полубриллиантовые песни или вальсы. Увы! Почти всегда тебя ждала неудача. Беда здесь в том, что судьбы изданий музыкальных произведений определяются не любителями музыки, не профессионалами, а «партизанскими» мнениями работников... «Книготорга», «Книготорга» чести и справедливо критикуют за то, что он плохо торгует книгами. Что касается музыки, то здесь дело обстоит еще хуже. Для этого уважаемого учреждения не то что сплести по обычным критериям — тышнейший зверь, к которому не знаешь, с какой стороны подойти. Видимо, поэтому нотным изданиям угрожают зверские тиражи. А отсюда репертуарный голод.

Слово советскому Джазу

Как всякое музыкальное искусство, джаз может успешно развиваться только на песенно-танцевальной мелодической основе, на базе народного интонационного и ритмического строя. Характерный тому пример — произведения А. Бабаджаняна, неразрывно связанные с мелодией и ритмикой народа Закавказья. Возможно ли создание джазовой музыки на русской песенно-интонационной основе? На эту тему велся длительный спор. Спор был разрешен весьма просто: Н. Минх создал джазовую песню, вышедшую обычной «бараньей». Неудачно и услышана несколько джазовых произведений, в основу которых легла украинская песня «Не ходи, Грицю, тай за вечерницю».

Пора вопросам массовых музыкальных жанров, в частности советского джазу, уделить столько же внимания, как в свое время созданию оперы. Пора задуматься над тем, что творческому развитию американского коммерческого джаза необходимо противопоставить наш джаз!

Этот джаз должен быть бызок и поинтер вам по интонации, мелодии, ритмам. Он должен вобрать в себя лучшие музыкальные традиции. Он обязательно должен утверждать радость и счастье вашей жизни.

Рисунки Е. ГУРОВА.

Рисунки
А. БАБАНОВСКОГО.

БУДУ ГОТОВ К НЕОЖИДАННОМУ

РАССКАЗ ВОЕННОГО СЛЕДОВАТЕЛЯ

С. ГРОМОВ,
Л. ЖУХОВИЦКИЙ

МАРШРУТ ЯСЕН. СПУТНИК ЕСТЬ

И вновь я собираюсь в дорогу.

Вынул из планшетки карту, аккуратно расправляю ее на столе. Вот здесь — наша часть. А там, за голубой пятаей реки, за зелеными островами лесов, — Пощаница, маленький черный кружок.

Вчера Прут подписал командировку. Я должен выехать в Пощаницу и арестовать Цветкова. Старик спросил:

— Все продумал?

— Как будто учел все возможные неожиданности.

— Все неожиданности учесть нельзя, — почему-то грустно возразил Прут. — На то они и неожиданности...

И уже потом, заканчивая разговор, добавил:

— Будь готов к неожиданному...

Карта топороцится. Придавая ее станком, обложу красным карандашом черную точку — Пощаницу. Так приметлив.

Долговязый Клименко тянет шею через мое плечо, дыша мне прямо в ухо.

Он тоже смотрит на карту, шурится и сочувственно роняет:

— Да, брат, мочишь-то тебе предстоит основательный. Здесь только по прямой сто с газом...

— Ничего. Вот этим проследю, — а далаю на карте уверенный про черки ногтем, — доберусь до железнодорожной ветки. А дальше...

— А дальше, — подхватывает Гельтур, — встанешь на четвереньки, возьмешь в зубы пилороску и поплывешь по шпалам.

— А дальше, — продолжаю я, не обращая внимания на ехидную реплику, — сяду в повоз и доведу до станции Кременнов. Там пересядка, и...

Клименко похлопывает меня по плечу:

— Лихой ты хлопец, Алешка!

— А что?

Он берет у меня карандаш.

— Мост видишь?

— Ну!

— Ну и забудь о нем. Он, брат, только на картах и остался. И по проселку твоему никто теперь не ездит. Он же на хутор вел. А теперь хутора-то нет, угли один. А дальше вообще болота. Так что, брат, на паровик не рассчитывай. На четвереньках по шпалам — дело более надежное.

— Подожди... Я стряхнува с плеча руку Клименко. — Откуда ты знаешь про мост?

— Да ты что, с луны свалился? — недоумевает Клименко. — Хотя паровик ты же недавно в дивизию. Там, брат, немец прошел.

Вот оно что!..

— А если, допустим, — уже не столь уверенно продолжаю я, — если в обход податься на Лисчанск?

— Тебе сколько суток Лев Ильич отвалил на всю эту музыку?

— Пять.

— Сам просил!

— Да.

— Ну и дурак, — спокойной констатирует Клименко. — Лишний день в запасе всегда не мешает иметь. Вот бы и пригодился для Лисчанска.

Черт возьми! Действительно, пяти суток маловато. Но Прут уехал на совещание в полгоддел штаба армии, возвратится не скоро. Продлить командировку некому.

— Слушай, Алешенька, — неожиданно вмешивается Гельтур, — а почему бы тебе не плынуть на мост?

Я поднимаю голову.

— Ужэ плыну! Буду добираться через Лисчанск.

— А почему бы тебе, Алешенька, — с нарастающим торжеством продолжает Гельтур, — не плынуть на Лисчанск?

Что он там еще придумал! Впрочем, об этом я узнаю минуты через три. Нужно же человеку время, чтобы поплыть на костях ближнего своего.

Через три минуты Гельтур наконец добирается до сути дела. Оттеснив меня и Клименко, он склоняется над столом.

— В лесу пока не развелось — энергично спрашивает Гельтур.

— Не развелось.

— Значит, ты выйдешь к реке. Лед пока держится!

— Держится.

— Тогда зачем тебе мост?

Гельтур чувствует себя стратегом. Его руки с длинными пальцами парят над картой.

Передаешь руку вот здесь — и топай на Кременное, пока ноги несут!

Что ж, пожалуй, он прав. Лисчанск отпадает: на этот вариант у меня просто не хватит времени. Значит, план Гельтура лучший, хотя бы потому, что он единственный. Клименко, если судить по движению бровей, тоже думает так.

— Ну, что ж, — говорю я максимально кислым тоном, — пожалуй, можно и так.

— Можно и так! — возмущается Гельтур. — Ты лучше скажи мне, как можно еще?

Я пожимаю плечами.

Теперь остановка только за солдатом, который пойдет со мной. Еще вчера я позвонил в полк и попросил прислать парня получше, из взвода пехвой разведки. Дело мне предстояло нелегкое — на такое опасно идти одному. Солдат должен вот-вот явиться. Кстати, не он ли это?

Потеснил плечом в дверях нашего кабинета, в комнату прокуратуры сбюном вваливается разозленный богатырь. И как только скрывается шпаль на такой широченной груди! Ушапка на голове у парня сидит прямо, без лихости, основательно. Вещевой мешок набит до отказа. На коротком ремне тускло поблескивает вороненой сталью новый, слышно со склада, трофейный автомат. Богатырь докладывает, обращаясь к Клименко, как и старшему в звании:

— Ехвртюр Хыленко. Прибыл по вашему приказанию!

— То к нему, — кивает на меня Клименко.

Я подхожу к солдату, протягивая руку.

— Лейтенант юстиции Кротов.

Лапа у парня, как тиски.

Я переспрашиваю:

— Так как ваша фамилия?

— Хыленко, — басит он единым дыханьем.

И вдруг, вскочнув руки к поясу, поясняет:

— Руки в боки — хы, Хыленко.

— Филеюк, значит?

— Так точно.

ШЕРЛОК ХОЛМС ПРОВАЛИВАЕТСЯ ПОД ЛЕД

Мы спускаемся к реке. Берег высокий, обрывистый. Сапоги сбивают каменную крошку, живые шуршащие струйки стекают вниз. Год назад в альплагере инструктор рассказывал нам о том, как коврыны осли, и мы принимали это всерьез. Забавно!

огромными лужами, которые в темноте казались бездонными, ступи — и с головой уйдешь в холодную воду, в размытую глину, в чавкающую глыбину.

Когда над степью стало всходить солнце, мы увидели впереди большое село.

Я, остановившись, вглядывался в смешанный улички, переулочки и тупиков. Катки, халки — несколько сот дворов. Отчетливо видны кирпичные стены полуразрушенной школы. А зон там, должно быть, здание МТС. Оно тоже в развалинах. Но служебные пристройки целы.

Где же тут жила капитана Цветкова? Его знают, конечно, в любой хате. Но время сейчас военное, и в такую рань нам, незнакомым, никто не откроет, сколько ни стучи, пожалуй, еще изнутри подпрут колом. Да и не в наших интересах преждевременно возбуждать любопытство.

По безлюдной улице мы двинулись к МТС. От разбитой стены мастерской навстречу нам заковылял сторож, упрямый в бараний тулуп, дед того возраста, когда, как острит Клименко, самое время хлопотать о вине в рай. Мы поздоровались. Дед тоже поздоровался, зашутил и пожелал господу. Охотничья дуэльюшка у него за плечами непочтительно гледила в небеса.

Через пять минут я знал все, что нужно. Агроном! Цветков-то? Живет, а как же... Вон в том самом доме и живет. Где ставни синие, там бухгалтер квартирует, а где на пропуск окна — там Цветков... Дома ли? А где же ему быть! Выгода дома был, в отъезд не собирался...

Ну, что ж, спасибо, дедушка!

Задами подошли мы к дому, стали млевать саразми. Дальше что? Постучать? Могут не открыть. Ломать двери? Это не так-то легко. К тому же он может остраиваться. Или просто выпрыгнуть в окно.

На всякий случай я подбросил к стене дома. К окну не подошел: ставни были открыты, а из комнаты улица видна гораздо лучше, чем с улицы комната.

Конечно, стоять на виду у стены улица глупо. Но мне показалось, что в доме кто-то говорит. Я прислушался — слышное шипение. Потом

что-то щелкнуло, и послышалась музыка. Обыкновенный приемник! Приемник! А может, это и использовать?

Мы с Филео подвинулись чуть правее: отсюда была видна и дверь дома и окно с раскрытыми ставнями. Потом стали ждать.

Через полчаса, а может, минут через сорок за дверью ползгали засовы, позывали крючки, и на крыльцо вышел тощий ползачек в шубе, напетухи прямо на болье. Он с сомнением погляддел на небо, хронически жмурил и вприскокочу направился в угол двора.

Скользнув вдоль сараев, я бросился в дом. Филео остался снаружи.

Сени. Две двери. Левая — это к бухгалтеру. Право... На всякий случай я тронул дверь... Она открылась прежде, чем я успел сообразить, хорошо это или плохо.

Нет, не такой представлял я себе встречу с преступником! Спешно ко мне перед зеркалом стоял человек и брился. Был он в бриджах, нижней рубашке и мирных шлепанцах на босу ногу. Гимнастерка с португивей висела на спине стула.

Радон, из кровати, покосила жемчужка, молодая и довольно красивая, должно быть, та самая Надя... Увидев меня, она не слишком быстро и не слишком медленно потянула одеяло на грудь.

— Извините, пожалуйста.— Дурацкая фраза вырвалась у меня прежде, чем я успел прикусить язык.

Цветков не спеша повернул голову и спросил:

— Это еще что?

— Я глянул в угол на ползаваный ащик немецкого приемника и довольно угрюмо пробомотал:

— Предъявите свои документы на право пользования радиоприемником в военное время.

Цветков с помянутыми погляддел на меня и спокойно сказал:

— Давно служишь?

— Что?..

— Служишь давно?

Мой голос звучал растерянно, его — пренебрежительно.

— Два месяца служишь.

— В коммандуре?

— В коммандуре.

— Стариковская работа. Тебе-то что там делать, лейтенант? На фронт просись, ордена добывать.

Я опустил голову. Мы оба мргали. Он — роль бывшего фронтовика, я — глуповатого, исполнителного по молодости лет службиста. Я видел его игру. Видел ли он мою?

Между тем Цветков достал бумажки. Раскрыл офицерское удостоверение капитана интендантской службы, я слышал карточку с ординарником. Наконец-то я спокойно разглядел лицо Цветкова.

Он было худощавое, умное, с негустыми, четкого излома бровями. Волосы уже начали редеть: Цветкову было лет тридцать пять. Глядел он равнодушно и слегка пренебрежительно, но то на меня, не то к своему лицу.

— Ну, что, лейтенант? — сказал Цветков. — Изучил? Тогда поехали дальше. Буд справа госпиталь: по ранению в освобожден от службы на шесть месяцев. Впрочем, тебя, кажется, не это интересует... Вот, пожалуйста. Трофейный приемник подарен мне Военным Советом армии за выполнение спецзадания... Читай: «...с разрешением пользоваться в пределах фронта».

Я читал. Все верно. И справа госпиталь сфербриканца на таком же бланке, что и справа, украденная Духарнико, только срок отпуска вырос. И я в других бумагах видна та же рука...

Да, что-то не похож Цветков на дезертира. Все продумано, обосновано. Все логично, только вот почерк один и тот же...

Я не выматывал пистолет. Ведь тогда капитан, коварнее, кинулся бы к своему. Нет, я не боялся: необходимость была на моей стороне. Цветков имел бы один шанс из десяти. Но мне не хотелось давать ему и этот шанс. Недаром Прут как-то в сердцах сказал Клименко, что одну смелость нужно пускать в ход лишь в тех случаях, когда не заветуешь...

...конечно, понимаю — сказал я туповато морща лоб. — Нерада — это, так сказать, совершенно особый случай. Но тем не менее надо зарегистрировать. Если вы, так сказать, не возражаете, давайте найдем в сельсовет, оформим необходимые документы, чтобы я мог сам все доформить и чтобы вас, так сказать, больше не беспокоили.

— Какой там сельсовет! — сказал Цветков. — Дрыхнут, небось. Но тут женщина, до сих пор леваяша молчала, вмешалась:

— Да что ты, Коля! И вовсе Аким Федотич не спит. Он всегда до свету встает. Прямо дома и застанете, чем после в сельсовет переть на край села!

Цветков взглянул на нее так же равнодушно и пренебрежительно, как прежде на меня, и усмехнулся:

— А что, лейтенант, и баба порою дело говорит. Бывает такое, а! — Я считаю, гражданка раскусит справедливо.

Я по-прежнему говорил тоном, каким, по моему, стал бы говорить глупый и молодой ашкенази.

— Ну, что ж, пошли...

Цветков обвис, надел гимнастерку и шивель. У двери я почтительно пропустил его вперед. Когда он вышел на крыльцо, я вынул пистолет и сказал негромко:

— А чьи руки вверх, брат!

Цветков не обернулся, даже не вздрогнул. Но я чувствовал, как напряглись, сошлись в пружину все его мускулы. Он чуть-чуть повернул голову, и пружина не расширялась: он увидел автомат Филею.

— В чем дело, лейтенант? — спросил Цветков, не поднимая руки.

— Ну, что ж, пошли...

Цветков обвис, надел гимнастерку и шивель. У двери я почтительно пропустил его вперед. Когда он вышел на крыльцо, я вынул пистолет и сказал негромко:

— А чьи руки вверх, брат!

Цветков не обернулся, даже не вздрогнул. Но я чувствовал, как напряглись, сошлись в пружину все его мускулы. Он чуть-чуть повернул голову, и пружина не расширялась: он увидел автомат Филею.

— В чем дело, лейтенант? — спросил Цветков, не поднимая руки.

— Ну, что ж, пошли...

Цветков обвис, надел гимнастерку и шивель. У двери я почтительно пропустил его вперед. Когда он вышел на крыльцо, я вынул пистолет и сказал негромко:

— А чьи руки вверх, брат!

(Продолжение следует)

...Через несколько минут начнется футбольный матч (кинемом вверх).

Вот он, спортивный актив Дулевского фарфорового завода. Слева направо востренней общественник Анатолий Потемкин, мастер спорта, методист производственной гимнастики Николай Гунов, председатель совета колхозника физкультуры Иван Архипович Никулин, мастер спорта Тамара Рунова и инструктор Леонид Губанов.

Прыгун Валерий Носов в нынешнем сезоне будет впервые защищать честь сборной команды завода.

Николай Золотов — разносторонний спортсмен и один из лучших производственников завода.

Лучше всех на заводе метает копье Рая Егисева (внешний символ).

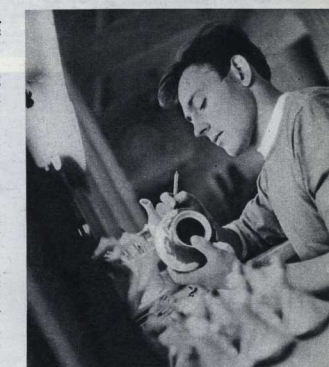

Фото Г. ТЕР-ОБАНЕСОВА.

МОЛОДОЙ СПОРТИВНИК

В. ГУЗИКОВ

Вечером, когда Иван Архипович Никулин возвращался из Москвы вместе с председателем совета колхозника физкультуры Орехово-Зуевского текстильного комбината Вильямом на перроне, коллегам увидели хвост уходящей элентрички. И тут, на перроне, получник Никулина стал изливать душу.

— Крепко меня на пленуме областного «Труда» отметили. Ну что я могу поделаться: предприятие огромное, больше твоего раз в пять. Разве одному все охватить? Подошла элентричка. Уме в вагоне Никулин сказал:

— Зря ты опустил крылья. Ну, поругали. Так ведь за делом! Покумай, хорошенько все мы ты сделал!

Помню, и у нас, на фарфоровом заводе, тоже модным был один футбол. Да и то являлся в основном о сборной. Но ведь те времена прошли! Одному рабочему по душе футбол, другого манит лавина, третьего — баскетбол. Много людей — много желаний. И мы обязаны идти на встречу.

— Прав ты, Архипович. Но ведь когда за мною берешься — не получается.

— И не получится, если не с того конца за дело берется. Вот послушай, как у нас на заводе было...

Дулевский фарфоровый — один из крупнейших заводов страны. Это целый город фарфора, ежедневно выпускающий 120 тысяч изделий.

Дулевские старожилы помнят, как в 1929 году на заводе появился выхристый высокий паренек. И, быть может, на ученика формовщика никто бы и не обратил особенного внимания (рабочих-то тысяч), но он был футболистом. А футбол на заводе — старая любовь. Молодой инсаид в первой же междугородней встрече забил два гола. Так он стал всеобщим любимцем.

Рос завод. Рос и Иван Никулин. Формовщик — счетовод — бухгалтер. А после войны (и по сей день) — помощник директора завода. Когда Никулина избрали председателем совета колхозника физкультуры, на соседних предприятиях спортивные успехи фарфорового объяснили тем, что мол,

Никулин — один из руководителей завода, ему и карты в руки! Однако дело было совсем в другом. Председателю верили и уважали его за искренность и теплоту, с которыми он походил к любому человеку.

Футбол — хорошо. Но молодежь танцует и к другим видам спорта. Иван Архипович на первых порах создал пять новых секций. Нет, тренеров он не пригласил со стороны. Не замыслил вместе с бухгалтером денег. «Обоюдимы своими силами», — говорил Никулин. А сплитник тут как тут: «Не поднимем на общественных началах! Но сплитник просчитались. Не в год, не в два, но подняли!»

Тут бы и успокоиться. Но председателю поинтересовалось торжеством рано. Генеральное наступление Никулин и его помощники повели в 1957 году. Тогда завод праздновал свое 125-летие. Момент был самый, что ни на есть подходящий. Рабочие в честь юбилея брали новые обязательства. И Иван Архипович оттряпал «после» в цехи. Они несли с собой предложение: каждый, от директора завода до ученика, — член спортивного общества. И своего добились. Все до единого получники, синиемишечники.

— Ну, заплатили членские взносы, — говорили некоторые, — а что дальше? Ведь некогда нам зани-

А на этих снимках вы видите дуэлистов во время кросса и состязаний боксбланкета...

маться спортом, да и желания особого нет.

А дальше их ждала другая новость. В кабинете Ивана Архиповича шла собрание активистов. Производственная гимнастика — вот цель нашего «выступления», — говорила Никулина. — За нее и возьмемся.

Методисты подобрали из спортсменов. Тихолене было уговорить начальников цехов. Помог директор. И пришла день, когда утром, ровно в одиннадцать часов, отделили в сторону источник художники, остановили свои «вертушки» отводчики, отошли от столов сортировщики. Пять минут хозяйной на заводе была гимнастика. Признаться, не все приняла участие. Но агитировать не пришлось. Видя, как спорится труд после «пятиминутки бодрости» у соседа, тот, кто не верил, решился попробовать. И убедился, что (как говорили в ту пору дуэлисты) «чуждость правды» да задирать руки и впрямь помогает лучше трудиться. Три тысячи людей оказались прачестными и физической культуре. — Теперь надо браться за секции, — сказал активистам Иван Архипович.

Кто знает, что в спорте не всегда легко сделать правильный выбор. Молодежь любит немедленно испробовать «шайбу». Не пришлось впасть спорта по душе — идет в другую секцию. Кто другой, а Никулин об этом всегда помнил, всегда мечтал найти «противоядие», по-настоящему увлечь молодежь. И нашел. У него родилась мысль открыть подготовительную секцию, где парни и девочки могли бы заниматься со всеми видами спорта сразу. Инструктор физкультуры Ионид Губанов пришел по заказу, поговорил с людьми, составил план сразу на всю зиму, продумал до мелочей первые тренировки.

И что вы думаете? Первые два месяца для тех, кто впервые переступил порог секции, прошли настолько увлекательно, что их даже вырвали откровенную досаду, когда Губанов замечал зланта. Играл в волейбол, баскетбол, бегали с низких стартов, прыгали в высоту, а под конец занятия влезли штангу, тир и поостоялись в силе. В тетрадь Губанова в графе «процентная» пошла первая цифра — «20». Через день она увеличилась, через другой — снова. А когда институт и преподаватель поводили итоги первыми месяцами работы секции, они убедились, что спорт шагнул еще омило ста парней и девочек.

«Антис — это половина успеха» — так всегда считал Иван Архипович Никулин. По этому принципу и действовал. Вот почему сначала на заводе нет цеха, где не было бы своего совета физкультур. Вот почему нет ни одного фанора или активиста, которые не занимались бы и производственной гимнастикой, и работой секции, и проведением цеховых и заводских соревнований. Наконец, вот почему спортивные секции завода регулярно посещают более полутра тысяч человек, а общее число физкультурников перевалило за 2500.

Заванялся рассвет. Медленно раступалась серая дымка, а Никулин уже на заводе — и первым делом за газету, и вот вышел, «выступая» в форме сильнейших лыжников Ферапонтова Дуевского фарфорового завода имени газеты «Правда» Тамара Рунова сумела опередить всеобщие ожидания мастеров. Она выполнила норму мастера спорта.

У доброй вести быстрые крылья. В этот день много народу побывало в кабинет полтора директора. Подражали. И начальники планового отдела Гуров, душа хохмачество и «председатель» Рыболов — заместитель директора. Последним в кабинете Мостин — председатель секции городошников. И шашечный «чорный» — писменное Поляев. И лучший бегун завода — многоименный Слонов. Вспомнив в успехе Тамары Руновой видел дело и своего труда.

События изменили бы настроение Мостин. — Ты, Иван Архипович, передай лыжникам, мы их все равно обидим. Пусть не занимаются. Одно дело мастера спорта, да и студентом, а в этом добавим еще двух.

— Не горячись, — подшучивал Никулин. — Цыплет по осени сияют. — А про себя думал: «Будут и в секции городошников новые мастера спорта. Обязательню будут!»

Спустил три дня позвонили из Орехово-Зуева и поторопили с оформлением документов нового мастера спорта. После работы Иван Архипович наехал за спортивную характеристику. По листу белых бумаг побоялась студент: «Иосомисле Тамара Руновой 24 года. Онаичина 10 классов. На заводе работает 1933 году. Самостоятельная фарфоровых изделий. Выполняет норму на 120 процентов. Институт-общественник по лыжам. Подготовила пять разрядников. Сама два года сумела пройти путь от новичка до мастера спорта. Ведет большую общественную работу».

Первая страница обложки. Работницы нондтересной фабрики «Ударица» Лена Пименова и Инна Харитоновна. (См. стр. 8 «Дары щедрого сердца»).

Фото В. САЙКА

Четвертая страница обложки. Порог на реке Хамсаре.

Фото В. ГИЛПЕНРЕЙТЕРА.

ПИШИТЕ НАМ ПО АДРЕСУ:

Москва, Б-66, Спартановская, 2-а.

ЗВОНИТЕ ПО ТЕЛЕФОНАМ:

Коммутатор Е 1-70-20.

Для справок — доб. 2-42; отделы: литературы и искусства — доб. 2-15; очерка и публицистики — доб. 3-52; международной жизни — доб. 3-21; физкультуры и спорта — доб. 3-57; информации — доб. 2-29; писем — доб. 2-55; науки и техники — Е 7-65-82; сатиры и юмора — Е 7-65-82; оформления — Е 7-51-32.

Главный редактор А. В. Никонов.

Редколлегия: Ю. Н. Верченко, Е. А. Долматовский, С. В. Егоров [ответственный секретарь], В. А. Кочетов, В. Л. Разуминевич [заместитель главного редактора], Е. М. Рябчиков, А. А. Сосин, Б. И. Степанов.

Рукописи не возвращаются.

Художественный редактор А. Стуков.

Оформление В. Соколова.

Технический редактор Н. Вуднича.

А 00269. Подписано к печати 22/VI 1961 г. Тираж 600 000 экз. № 118. Захв 26 141. Формат бумаги 70 x 108 1/2. 2 б. л. — 5,48 п. л.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

ШУТКИ-МАЛОУТКИ

У парикмахера с клиентами установились редкое единовыселие: как настоящий художник он редко бывал доволен своей работой, клиенты — еще реже.

С. БАЙДИН

(г. Челябинск)

Среди охотников:

— Слушай, приятель, открылась весенняя охота, разрешают бить селезень. Как ты их отличаешь?

— Очень просто: попал — так селезень, промазал — значит, утка.

Н. ГАВРИЛОВ

(д. Мынчаково, Вологодской обл.)

Отец и сын проспали. Отец не пошел на работу, сын — в школу.

— На работе думают, что я болен, а ты-то что снизвещь в школе? — спросил отец у сына.

— Снажу, что от папы заразился.

З. УТРУТАШВИЛИ

(г. Тбилиси)

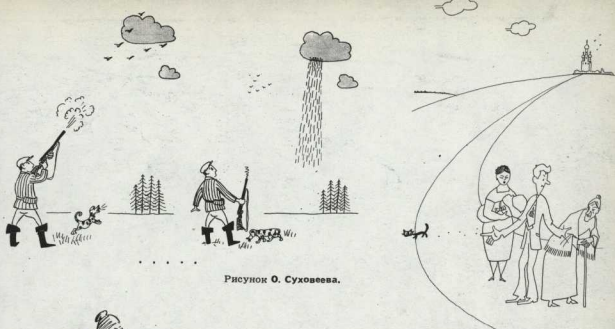

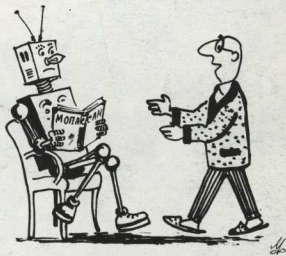
Рисунок О. Суховеева.

— ЭТО ЖЕ СУЕВЕРИЕ. БАБУШКА! СТОИТ ЛИ ИЗ-ЗА ПУСТЯКА ОТКЛАДЫВАТЬ ИРЖЕНИЕ?

Рисунок В. Гусева.

Рисунок В. и Г. Караваевых.

— ТЕБЕ ЕЩЕ РАНО ЧИТАТЬ ТАКИЕ КНИГИ.

Рисунок М. Футлина (г. Пермь).

ЛЕКЦИЯ О ЛЮБВИ И ДРУЖБЕ

Рисунок Ю. Грушина и Ю. Чистякова.

— ОПЯТЬ Я НАДЕЛ НЕ СВОИ ГАЛОШНИ!

Рисунки В. Арсенева.

НАРОДНЫЕ УСМЕШКИ

Л. ЧЕРНОВОЛ

(г. Верхняя, Луганской обл.)

Поехал батюгу с сыном в поле валить снопы.

— Ну, сынку, я стану наверх, а ты мне подавай снопы. Да смотри синку, правильно ли я кладу, не на один ли бок, а то перевернется в дороге.

— Ничего, батюгу, когда перевернемся, тогда и ясно станет, на какой бок воз сложился.

Пришел хлопец сватать девочку и стал спрашивать у нее, что она может делать, а что не может.

— Люди говорят, Галию, что ты шить не умеешь!

— Да, только шить.

— И корову будто бы подить не сможешь!

— Ну, если еще корову не пасом.

— И даню, говорят, хлеба не испечешь.

— Может быть, еще только хлеб не пекла.

— Танцевать, говорят, не можешь...

— Ну, это уж люди бесовством врут!

Цена номера 20 коп.

